

Расшифровка интервью

Дата: 24.10.2013

00:00:01

Заборонок Наталья Георгиевна.

00:00:14

А Рогачева — это что за фамилия?

А Рогачева, Рогачев — это мой папа, Рогачев Георгий Пахомович. И мама тоже взяла его фамилию, Рогачева Нина Корнильевна.

00:00:31

Расскажите, пожалуйста, о них и о себе.

Ну, о них что рассказывать? Мама — донская казачка со станицы Константиновской. Отец тоже казак, только со станицы Урюпинской на Хопре, приток Дона. И, значит, познакомились они. Отец, мой отец первый вошел в станицу Константиновскую, освободил население от белогвардейцев. И его избрали также главным начальником, и по этому поводу был концерт. Мама моя выступала на концерте, она очень хорошо умела декламировать стихи. И вообще она, так сказать, втайне готовилась для артистической деятельности. Ну, отец обратил внимание и спросил свою соседку, Морю такую, говорит: «Знаешь что, кто это? Вот я бы хотел с ней познакомиться». А Моря была двоюродная сестра мамина. Она говорит: «Вот приходи ко мне сегодня вечером, я ее позову». Так они, значит, познакомились и, значит, очень быстро полюбили друг друга. Правда, мамин папа, мой дедушка, Корнилий Иванович, который 55 лет проработал у верховного донского атамана и даже там имел награды и получил дворянство за выслугу лет, потому что получил чин восьмого класса, коллежский асессор, он его очень так настороженно принял: другая власть, то, пятое-десятое. Потом мама отцу сказала, что он все свои ордена и всё прячет в печке. Ну, у отца был замечательный характер. Во-первых, это было... Отец был большая умница. Потом очень такой остроумный, очень веселый. Знаете, я... Кто с ним работал и кто с ним жил, никогда не слышали какого-нибудь бранного слова. Ну и сразу после, когда кончилась эта битва, он еще на фронте был, мама с ним была на фронте тоже какое-то время, а потом он сразу получил назначение в Грозном. Сначала он там секретарь парторганизации Грозного, а потом нефть, Грознефть, начальник Грознефти. И он всю жизнь занимался строительством нефтепроводов и довольно много преуспел, потому что вот в 1930 году был награжден орденом Ленина за выполнение пятилетнего плана по строительству «Нефтепровод складстроя» за два с половиной года.

00:04:26

А в партии он с какого года, не знаете?

В партии... Не помню, ну, что-то такое, или в 1917-м, или 1918-м, наверное, в 1917-м всё-таки году. А потом он строил нефтепроводы. Как только кончалась там вот нитка нефтепроводов, Грозный — Украина они вели и так далее. Много этих самых. Вот у меня там записано, но я так не могу [сказать], потому что там много всяких направлений было. Значит, дальше он следом за этим нефтепроводом переезжал в Армавир. Потом мы переехали в Армавир. Два года мы жили в Армавире. В Армавире, ну, что скажу, что отца-то я, когда была маленькая, очень редко видела, потому что он пропадал на этих промыслах, на работе и так далее. Знаю только одно: что у нас был в доме кожаный диван, на котором обязательно кто-нибудь жил из приезжих. Потому что когда приезжал командировочный, он спрашивал: «Вы в гостиницу устроились? К Ниночке, вот записочка, вот к Ниночке, она вас устроит». И всегда, значит, у нас жили. В Армавире он первый раз меня взял и говорит: «Хочешь, на промысел поедем со мной?»

00:06:02

А сколько вам лет было в Армавире?

В Армавире мне было пять лет.

00:06:06

А вы какого года?

1926-го.

00:06:09

А родители какого года?

Родители: отец 1896-го, а мать моя 1898 года. И он мне сказал: «Поедем, только потеплее оденься, поедем на промыслы». Я приехала на эти промыслы, я была поражена! Столько там труб, столько железок! Особенно меня [поразила] какая-то раскоряка такая, знаете, вся изломанная, там что-то крутится, всё. Я говорю: «Что это?» А мне там говорят: «Это черт». Я отошла, потом вернулась, говорю: «Нет. Мне мама читала сказку про черта и показывала, у черта четыре лапы и хвост. Это, — говорю, — не черт». Они говорят: «Ну ладно, не черт, так не черт. Садись, мы тебя на нем сфотографируем». И у меня есть фотография, вот там, на этих промыслах, на черте.

00:07:21

Так что же это такое было-то?

А это было, как они пояснили, это когда по трубе течет нефть, то, оказывается, она постепенно, обволакивают ее какие-то шлаки, наросты и так далее. Так вот, ну трубы-то большие, и туда вот запускают этого черта, который, вот там всё вращается, тянут, и он чистит внутри нефтяную трубу. Для очистки нефтяной трубы внутри. Вот этот, ну такой сильный, этот черт, знаете, он весь железный. Я помню, уезжала, думаю: господи, зачем папе столько знать, когда у него столько помощников? Ну, в общем, на меня такое интересное впечатление произвело. Ну, в Грозном вообще... Я считаю, самая счастливая пора — это была, конечно, когда мы в Армавире жили. Потому что интересно... Ни в Грозном, ни в Армавире, никогда в жизни, как говорится, за нами никто не следил. Мы сами гуляли, с кем ходили. В Армавире вот напротив нас чеченцы жили, мы в основном с чеченскими детьми общались и играли. Был, так это редкий случай, когда вдруг дед... отец приезжал рано с работы, ну, его привозили на открытой машине. Вся детвора сбегалось, и, босые все, и туда все, знаете, кубарем. Я не знаю сколько, человек двенадцать, наверное. Кто в лежку, кто как. И их вот до угла довозил, катали, отец провозил их прокатить до угла, и они бежали домой. Потому что по нашей улице, ну, изредко там арба пройдет, потому что наша улица, мы жили на улице Рубена, дом 55. Теперь это улица Горького, дом 50... 93, вот. И улица Рубена, она с одной стороны, если вверх идти, вверх направо, то она коротко — и сразу поперек базар. Такой был базар колоссальный, мы ходили... Причем мы иногда сами ходили туда на базар, там заведутся какие-то деньжата, мы пойдем арбуз купим и всё. Там всё продавали, начиная от лошадей, кончая раков, а раков мешками покупали обычно. А если в другую сторону идти от нашей улицы, то мы выходили на Кубань. И вот Кубань, с горы мы катались, там горка была, Кубань. А у нас была собака, Серко, кавказская овчарка, огромная такая. Мы на нее верхом садились, в санки запрягали, и, в общем, она от нас не отставала, но она нас сохраняла. А Кубань мы боялись, потому что даже зимой Кубань была такая быстрая. Иногда, знаете, если не сильная зима, она не замерзала, и там были топи. Поэтому мы туда к берегу особенно не подходили. Родители если возвращались домой, предположим, у нас во дворе были абрикосы, сливы, вишня. Особенно абрикосы, высокие деревья. Сидит, сиду наверху там это. Родители посмотрят, говорят: «Наташа, держись крепче». И всё, чтобы это самое...

00:11:43

А вы с какого по какой год жили в Армавире, не помните?

Вот жили, к сожалению, очень мало, всего два года. В Армавире мне еще запомнился, интересное это или?..

00:11:55

Очень интересно. Просто вот с какого, с 1931-го по 1932-й, вот как это примерно?

Нет, мы жили с 1932-го по 1934-й. Вы знаете, еще интересно, я игрушки не любила детские, я их любила потрошить. Знаете, вот возьму куклу, какой-нибудь ржавый гвоздь, вот я их это самое. И вдруг, о чудо, из куклы опилки сыпятся, знаете, что-нибудь. А к нам приехал... Был инженер в Америке, тогда посылали некоторых приятелей, ну, по работе там, они жили иногда по году и даже по два в Америке. Приехал и привез нам пупса. Причем пупс огромный такой, полуметровый, розовый пупс. Это нам в подарок. И вот мы этот пупс-пупс, потом кто-то сказал, что пупс горит. Тогда мы решили... И вот мы с таким трудом ломали-ломали, выломали из головы квадратик у этого пупса. А у нас во дворе стоял сарай набитый дровами, там опилки, там и козлы стояли, и весь пол был такой мягкий, теплый. Мы прошли, закрылись в этот сарай и стали поджигать. Ну, спички отсырели, в общем, мучались-мучались, наконец подожгли, но так как кусочек был очень маленький, быстро потушили, потому что рукам жжет. Тогда мы взяли положили на козлы этого пупса, выставили ногу и подожгли ногу. И в это время пришла моя няня Сима. Сима. А была у меня такая няня Сима. Это мама, когда родилась я, сестра была четыре года, и я родилась. А мама... До этого они жили в Чите, климат там холодный, она очень плохо переносила, много болела, и она из Читы прямо приехала в станицу

Константиновскую, чтобы немножко отдохнуть с детьми, ну, родные пенаты. К бабе Фене приехала. И когда она приехала, стала искать себе, ну, девушку какую-нибудь, чтобы помогла, потому что двое детей и она себя неважно чувствовала. И ей привезли Симу. Симе этой было тогда 16 лет. А Сима тоже, она была с хутора, донская казачка, у них в семье было пять человек детей: четыре сына и она третья девочка была. Пять человек... Мать и бабушка. Ну, и хозяйство тоже там, как каждый казак, ведь они там хлеб сеяли и так далее, кормили семью. И в 1908 году у нее убили на войне отца, у Симы. И мама осталась. Четверо детей, бабушка и она. Ну, сначала там это распродавали всё, лошадь, [нрзб], там всё потихоньку. Потом двух старших мальчиков отправили в работники. Симу отправили гусей пасти на Дон. Вы никогда не были на Дону? Знаете, сколько на Дону гусей? Там гуси сотнями, представляете? В доме почти в каждом. Вот она этих гусей пасла и так далее. Понимаете? А потом приехала сваха и сказала, что вот казак, он тоже вдовец, то и сё, что женится, возьмет к себе домой, но с условием, что она возьмет только двух младших мальчиков. А большие пусть работают, девочку не надо. И мать, видя, что ей уже не прокормить всё равно... Ну и, в общем, Сима мне много раз рассказывала, как она бежала за матерью и кричала: «Мама, я всякую самую грязную работу буду делать, не бросай, только не бросай меня». И мать ушла. И после она никого не видела, ни братьев, ни мамы, бабушка умерла, в общем, вот так. И вот эту Симу привели к маме. Ну и, значит, она у нас жила. Потом Сима стала... мама стала собираться уже в Грозный, надо ехать, то и сё, и вдруг она заметила, что Сима плачет. Она говорит: «Ты чего плачешь-то? Ты не реви, ты собирай вещи, поедем с нами». И она, Сима, всю жизнь была около нас. Она так нас любила, и так нас оберегала, и так помогала, что потом, когда родителей арестовали, она в няньках где-то там жила, мне звонит: «Приходи, приходи в таком-то часу, приходи». Я бежала, там на кухне какой-то чуланчик, она мне супу наливала: «На, поешь». Потому что я голодала очень-очень жестоко и очень много. Я даже с голодной дистрофией была в больнице, в клинике. Вот такая вот вещь. Вот так мы жили. А в Москве, ну, потом, из Армавира мы отправились в Москву.

00:19:10

В 1934 году уже, да?

В 1934 году. И вот эту поездку я помню очень ярко, четко помню. Вы знаете, во-первых, мама одна поехала. Нас двое, да. Значит, там всякие мешки, вещи, поезд забит, рядом какая-то семья, больной ребенок. Моя сестра тут же заразилась, и она заболела. И мы, мама с больными детьми. И вы знаете, как только была остановка, где-то останавливался, к поезду сейчас же сбегались, знаете, целая группа... Девочек я не видела, а мальчишек — грязные, оборванные, голодные. Кричали: «Копеечку, хлеба! Копеечку, хлеба!» Представляете? И я помню, как мама им бросала, бросала, бросала. Причем она просила: «Вы маленькому, я хочу маленькому, хватит вам. Я потом вам брошу, вот давайте маленькому». Они расступались, и она бросала маленькому, но они тут же подлетали и выхватывали у него из маленьких ручонков эту еду. И помню, мама сердилась: «Я не буду больше вам кидать». И сидели многие пассажиры, ну, кто кидал, кукурузу там бросит, кто какой-нибудь медяк и так далее. Женщины много плакали. Надвигался голод. Ну и всё, и мы приехали в Москву. Приехали мы к Шульгиным в квартиру. Шульгина — это была племянница мамина. Ее родной брат, Аристарх, был копия, очень похож на отца. Был отец этой Марии Аристарховны. А Мария Аристарховна с 15 лет ушла в революцию, и она работала даже где-то там в секретариате Ленина. Потом она работала всю жизнь в Институте марксизма-ленинизма. У них было двое детей, Коля и Майя. А Шульгин — это был сын миллионера рязанского, Шульгина такого, который после революции там несколько миллионов отдал, всё отдал на революцию. И, значит, был педологом. Такая наука. Был профессор, читал лекции. А когда мы приехали, в это время педологию разгромили как лженауку.

00:22:42

Это 1934-й, да?

Да, это 1934-й.

00:22:46

А почему вы переехали в Москву?

Почему, потому что отца назначили начальником этого самого... Всей России «Нефтепровод складстроя».

00:23:00

А мама что в этом времени, какая у нее была...

А мама учительница была. Она всё время преподавала, она преподавала русский язык и историю. На русский язык и историю. А маму я... Мама очень хорошо рассказывала и очень

хорошо читала. И мы с детских лет... Во-первых, книг у нас всегда было полно. И потом нам мама... Вот я до первого класса, я уже Пушкина рассказы, Тургенева, других — мы хорошо знали. А тем более она историю преподавала. Она, например, когда в Москве мы жили, она водила своих учеников, ну, на уроках истории, в музей на Волхонке, музей изобразительных искусств. Я помню, как она меня первый раз тоже взяла и я шла по этой лестнице, маленькая такая. И вдруг я вошла, и вдруг я увидела голову Давида. Я не знала, куда мне спрятаться: там народ, вдруг они подумают, что я срам какой-то увидела. И вот я помню, я где-то там присела...

00:24:36

Сколько вам лет тогда было?

Ну, сколько мне лет было? Наверное, лет шесть, не больше. Вот представляете? А потом она часто нас брала, и она нам очень много рассказывала, и по истории, и о Петре Первом. Ну, вообще.

00:25:02

А что родители закончили? Какое у них образование?

Кто?

00:25:05

Какое образование у папы и какое образование у мамы? Что они закончили?

У папы начальная школа, четыре класса. Потом, когда он был в Грозном, он закончил, экстерном сдал за десятый класс. К нему приходил профессор по математике, как вот мама тут пишет. Вот мамина книжка, она там пишет о нем, что он был очень способный человек. И он математикой высшей занимался и так далее. Короче говоря, он поступил в Грозненский институт, но учиться не смог, потому что работы было очень много. А мама, мама кончила начальную школу в Константиновской. Причем как в Константиновской учили? Начальная школа — экзамены сдаешь. И она рассказывала, как она сдавала экзамены. Значит, там директор, священник обязательно, преподаватель. «Ну, Ниночка, какой стишок ты знаешь?» И она рассказывала: «Ух, как я свою коровушку люблю, чистым пойлом коровушку пою. Пей ты досыта, коровушка моя». — «Ну молодец, молодец. Принять, принять». Значит, первые три года, да? Теперь, три года заканчивались, начиналось учение, пятилетнее. Пять классов. Тоже надо было туда экзамены сдавать, в это пятилетнее обучение. Но мама говорила, учиться там было очень трудно. Особенно был русский язык. Там же была и «ять», и «фита», и «и с точкой», и твердый знак и так далее. Представляете, вот это всё было? И такая была сложная грамматика. Но если ты кончаешь пять классов, то ты абсолютно каллиграфически пишешь и абсолютно грамотно. И тебе [это] дает право быть преподавателем в школ[е] до трех классов. И некоторые из бедных казацких семей, в том числе двоюродная сестра мамина такая была, Васёна, она кончила пять классов и пошла работать учительницей. А мама потом поступила в гимназию. Ну, в Константиновской было два класса гимназии, а третий класс был платный. И она закончила два класса, а третий платный, она поехала в Новочеркасск, и там был родной дядя мамин, который был вдовый, но был богатый, который сказал маме, бабушке, что он выучит всех ее детей. И все они окончили третий курс этого уже высшего заведения. И после этого они получали право быть педагогами в школе. И вот она работала, всю жизнь она работала педагогом.

00:29:17

А в Москве, когда вы приехали, вы жили сначала у Шульгиных?

Мы сначала жили у Шульгиных, мы жили недолго. Ну, тоже интересно, вы знаете, квартира у Шульгиных была в этом самом... Политехнический музей против памятника Плевны. Знаете?

00:29:42

Да.

Политехнический музей, большой, да? Так вот, окна музея... Окна их квартиры — а окна были большие, белые мраморные подоконники, такой, метр семьдесят, наверное, окна, — на памятник Плевны смотрели. И жили мы на втором этаже. И на этом втором этаже было столько жильцов в этой квартире, в этом Политехнический музей! Причем с улицы дверь не закрывалась. Ну, я, например, не могла открыть, вот мне уже шесть лет было, потому что тяжелая очень дверь, кто-то открывал. А потом шла белая мраморная лестница, не знаю сколько там, ступенек двенадцать, и потом была уже дверь, в которую мы стучали, и нам открывали жильцы. И была общая кухня. Кухня была метров 30, наверное, квадратных. Там

стояла огромная печь, в которой был вмонтирован бак для горячей воды, и кругом стояли столики, где у кого керосинка, у кого примус, у кого... Все готовили. Но все готовили только до десяти часов. В десять часов все всё убрали, всё съестное, все уходили и закрывали кухню. И там хозяйничали крысы.

00:31:30

Это ночью, да?

Ночью, да. Причем уже были известные рассказы, что крысы в одном из родовых младенца то ли съели, то ли повредили и так далее, что было такое в Москве. А я одна, я же говорила, что меня как-то, знаете, никогда никто не... Я одна выходила к памятнику Плевны гулять на этот бульвар. Я, значит, возвращаюсь с улицы, прошу, мне открывают дверь, закрывают. Я открываю дверь, сижу и вижу: посреди лестницы сидит огромная крыса. Я по этой стенке потихонечку-потихонечку, я вошла, но крыса на меня внимания не обратила. Пришла. А вечером Шульгиных...

00:32:38

Дать телефон?

Да. А вечером наша няня, Маша, ничего не говоря, пошла на кухню, что-то там забыла.

00:32:50

А у вас уже другая няня была, Маша, да?

Нет, да, да. Ну, Сима осталась в Армавире, Сима замуж вышла там, замуж вышла в Армавире. Ну, потом мужа взяли в армию, она приехала, приехала с голода вся отекая вот такая. Мама ей говорит: «Иди ложись и отъедайся, приводи себя в порядок». И пошла в эту кухню, и вдруг такой вопль, крик. И вы знаете, мужчины со всей квартиры — кто лыжные палки, кто топоры, кто что. И хорошо, была зима, а так было не жарко, она в валенках была где-то. Она впрыгнула на стол и ногами крутилась, сбивала крыс, которые... А они лезли ей в лицо, укусят... Ну, в общем, короче говоря, отбили ее [от] крыс. И я помню потом, мы как все сидели, все рассказывали эти крысиные всякие истории. А я никому не сказала, что я крысу, мимо крысы шла.

00:34:23

А всегда так в Москве было много крыс или в какое-то определенное время?

Да это было голодное время, это голодные годы были. Господи, что вы, 1934 год, что вы. Вы знаете же, какой голод был ужасный.

00:34:40

А почему был такой голод?

Почему? Ну, во-первых, тут, конечно, раскулачивание было. Вы знаете, я в своей жизни встречалась с очень многими интересными людьми. Вот мне так повезло. Я, например, хорошо помню князя Заржецкого. Его женой была Волконская. С этой Волконской я сидела за столом и так далее. Значит, у Заржецкого, у него умер, у него брат был профессором МГУ, и вот умер. Так вот в нашем доме жил такой Васильев. Он был выборщиком в Государственную Думу. Его друзья были Зелинский и этот самый... Его родной брат, Васильева, был директор Бауманского института. Певица, господи, знаменитая Тарасова, да? Пела в Большом театре? Да? Вот они с ней были знакомы. И вот он мне... Ну они одинокие, они получили отдельную однокомнатную квартиру, он в нашем доме получил. Это у Курского вокзала тогда, до этой квартиры. И скучно, а мы приходили. У него была собака Элька. А собака эта была... Знаете, он был охотник. Причем он был не просто охотник, еще пойми. Во-первых, он был банковский служащий, а во-вторых, он был охотник. И он как охотник, он был председатель Московского охотничьего общества. Понимаете? А, значит, когда случилась революция, он говорит: «Я из банка. Там такие ценные бумаги, такие ценные, я, — говорит, — взял только золото». И уехал на Север с семьей. У него там было двое детей или трое, и они уехали на Север. Ну, скрывались. И он целый год жил в ледяном доме, сделал с якутом с каким-то и там жили. Так он говорил, что никакой Чингисхан не сравнится с тем, что сделали в коллективизацию. Что туда приезжали товарняки, вагоны, и вот этих, значит, кулаков... Открывали. Это, говорит, лес, снег вот такой. Открывали вагоны и выбрасывали стариков, старух, баб, мужиков, ребят, представляете, у них ни лопаты, ни топора, ничего нет. Закрывал и уходил. И, говорит, столько этих образовалось... Они погибали, умирали, потому что ни еды, и мороз... И, говорит, столько развелось там волков, что жить там стало невозможно. Представляете, просто волки наседали. И он говорит:

«Да ни один, да что вы...» Это людей так... Представляете? Вот что такое было, вот как он мне рассказывал про это раскулачивание. А потом он вернулся. И очень-очень любил, у него была хорошая библиотека. Я у него брала книгу, я помню, мне Байрон, я тогда Байроном увлекалась, читала. Я, знаете, я поражаюсь его... Вот я прихожу, рассказываю: читала о Байроне, то-сё, ну его биографию и так далее. Он говорит: «Наталья Георгиевна, вы пропустили вот это. А вот это было так, а это было не совсем так». Вы представляете? И он очень любил приходить к нам, его была любимая еда — это чай с молоком. Чай с молоком, [к] шоколад[у] он не притрагивался, он всегда говорил: «Уберите этот яд со стола». Вот так вот нам всегда. И было... А я очень любила слушать всегда, знаете, и беседовать со стариками. Знаете, ему, он умер [в] 97 лет, он разбился на балконе, споткнулся и упал, разбился. И вот из-за того, что лежал, отек легких. А так бы он еще пожил. Он говорит, я к нему захожу, и он: «Садитесь, садитесь». Я говорю: «Да нет, да нет». Он говорит: «Наталья Георгиевна, я только что сбежал на рынок, 10 кило картошки принес. Вы меня извините, я устал, но я не могу сидеть, когда вы стоите». Представляете? Я извинялась перед ним в своей бестактности. Вот это вот, знаете, эти люди, вот их говор, их умение говорить, построить фразу и так далее. А потом мне повезло. Потом я начала учиться в образцово-показательной школе под руководством директора Мартяновой в Москве.

00:41:24

Наталья Георгиевна, а давайте немножко к 1934-му, чтобы у нас получился такой...

А в 1934 мы там у них прожили, наверное, ну недели три, не больше, и нам квартиру на Смоленском бульваре... Там был дом нефтяников. Там одни нефтяники жили. Причем огромный, там было шесть или семь подъездов. Сначала выстроили наш дом, а наш дом выстроили, это бывший какой-то или княжеский, ну в общем, какой-то высосветный особняк был двухэтажный. Потому что там с улицы входишь, белый мраморный пол, потом мраморная лестница на второй этаж. И на второй этаж — это было, наверное, ну, метра четыре потолка такие, высокие, понимаете, коридор, и потом большая-большая лестница вверх шла. И там во дворе, например... А на втором этаже, вот где этот был, этот особняк, у них там балкон был такой большой, я не знаю, метров двенадцать, наверное, во весь дом большой. Потом там спускалась белая мраморная лестница в сад, там они оставили скульптуры белые мраморные, изваяния каких-то, знаете.

00:43:10

Так вы в этом доме жили, в этом особняке?

Ну, надстроили его, а мы жили в надстроенном, там было два этажа, мы третий, четвертый, пятый. А напротив построили уже с первого этажа дома, но тоже нефтяников, и там было раз, два, три, четыре, шесть подъездов, понимаете. И в каждом несколько квартир... Там жили все, они друг друга знали, там и Ганшины жили, там и... как это... забыла, его фамилия... Политкаторжанин, 10 лет на каторге отсидел, потом его расстреляли в 1937 году. Ну, в общем, вот так. Ну и жили все хорошо. А я еще не училась, а Шульгины совершенно... Он не работал, никто его на работу не брал, он сидел, писал статьи, никто его статьи не издавал, и он всё равно сидел и занимался своей педологической деятельностью, а денег не было, а денег, когда приехала мама, то мама стала снабжать, потому что Мария Аристарховна, которая в Институте марксизма-ленинизма, она еще довольно часто... У нее была шизофрения, и она очень часто попадала на месяц, на два, а то и на три в психическую больницу, потом она излечивалась и опять шла марксизмом-ленинизмом своим заниматься. А к маме приходила почти каждый день, и мама, я знаю, что мама ей всегда сотенку давала, конечно, ни о каком возвращении не было [речи], и потом в конце концов по настоянию мамы, по настоянию мамы, отец устроил Шульгина в отдел кадров нефтяной промышленности, где-то там работать, в общем, дал ему, короче говоря, заработок, этому Шульгину. А когда моего отца арестовали и было первое партийное собрание разоблачать врага народа, то первый разоблачитель выступил Шульгин. Он первый знал о его вредительской деятельности. А папин заместитель, еврей между прочим, Наум Исаакович Сигаль, да, Сигаль, и его... Когда все яростно выступали, говорят: «Сигаль, а вы-то чего сидите молчите? Вы больше всех знаете». А он говорит: «Я, — говорит, — знаю его как трудолюбивого и грамотного начальника, я ни о какой его вредительской деятельности ничего не знаю». Но это было летом, в июле моего отца арестовали, 23 июля, и он прислал свою дочку к нам с записочкой, и я помню, с мамой, с мамой, да, Сигаль назначил нам свидание. Там против нас был лес, и в 12 часов ночи в определенном месте мы встретились, и пришел Сигаль, он говорит: «Меня, конечно, арестуют завтра-послезавтра за такие высказывания, но вот вы, — говорит, — имейте в виду, вот ваш родственник...» Вот это всё. И, в общем, вот такие вот дела.

00:48:05

А арестовали его?

Кого?

00:48:08

Сигаля.

Да, арестовали его, да, его тут же арестовали, его тут же арестовали.

00:48:17

А с Шульгиным у вас какие дальше отношения были, с вашим родственником?

А никаких не было. Потом у меня Соня умерла, это же родная сестра и мамы, и Марии Аристарховны, и никто, никто даже не пришел на похороны Сони.

00:48:42

Это из-за того, что все боялись?

Нет, я думаю, что просто они были не порядочные люди. Вы знаете, потом мы жили, мы жили, к нам пришла жить от Шульгиных, от Шульгиных.... Дело в том, что мой дедушка, Корнилий Иванович, он был дважды женат, и вот старший сын Аристарх, да, Мария Аристарховна, от первой жены у него, вот они с мамой, как говорится, одни отцы. А первой была Фения, бабушка Феня, Фения Корниловна, она была старшая самая дочка, и отец ее, вот мой, он всё говорил, что нужна старушка в доме, чтобы, в общем, как-то и уютнее, и порядок. И он ей послал все деньги и привез, значит, ее в Москву. Она приехала в Москву, там всё распродала, приехала в Москву. А когда она приехала в Москву, то ее... Мария попала в больницу, и она поехала, дети там, представляете, ну, в общем, все так решили, она поехала туда. А когда умерла Соня, моя тетька, через восемь месяцев после ареста, она пришла к нам жить. И она жила у нас до самой смерти, мы ее хоронили. Так вот, это же ее родная тетка была, Марии Аристарховны, Шульгиной, и она в день зарплаты, она приносила всегда обязательно пачку натурального кофе, конфеты, печенье, что-то такое, и, значит, Феня заваривала кофе, и они сидели, пили это[т] кофе, ну, что было. А мы здесь же или готовили уроки, или... И я вам клянусь, я вообще овен, я не говорю неправду, вы знаете, нам со стола ни разу конфетку не предложили. Я помню, как мне было стыдно, мне было стыдно за них, представляете?

00:51:35

А если вернуться немножко вот к этому 23 июля 1937-го, когда отца арестовали, что-то, ну, предвещало, вы чувствовали, что что-то должно произойти?

Если я вам скажу, вы, конечно, можете мне верить, можете и не верить, но я очень много чего предвидела, вы знаете, причем вот с детских лет совершенно, да... К сожалению, к сожалению. Вот у меня сын шесть лет тому назад умер, знаете, он пришел ко мне, я ему сказала: «Ты смертельно болен, иди к врачу» — и он через три дня умер. Вы представляете, вот у меня всё... И я, вот у меня такое было, и вы знаете, когда начались аресты по дому, отца арестовали позже других, многих, значит, уже... Первого арестовали Ганшина, потом его жену, потом, бессовестные, у них сын окончил 10-й класс с золотой медалью или как там было. Всю жизнь был в школе, в моей же, вот мы вместе учились в 19-й, потом в 29-й... Сначала в 29-й, потом в 19-й. И он был там секретарь комсомольской организации, и только он окончил школу, его арестовали. Ему было 17 лет, наверное, или 16. И вы знаете, и как-то аресты-аресты, я помню, что когда арестовали Ефуни... Вот у нас квартира 50, это 52, мне... Мы вышли гулять, выходной день, а мне говорят: «Знаешь, [нрзб] отца арестовали». Я говорю: «Да?» А так как нас воспитывали довольно строго, то есть как, например... Это вот потом это, в общем, тоже как-то это неправильно, это сказало, потому что так: если к нам кто приходил в гости, мы должны были прийти, поклониться, сказать «здравствуйте» и молчать. Боже упаси нам задать кому-то вопрос или что-то, это считалось некрасиво. Спросят — ответ. Постояли, никто не говорит, и ушли в свою детскую комнату и больше с взрослыми мы не общались. Нам это не полагалось, ну там такие гости когда были, ну не то что когда родная тетя Соня приходила. Ну и всё, и вы представляете? И вообще, за столом и так далее влезть с разговорами — это тоже. Ну, я думаю: вот я сейчас отцу скажу, а вот я ему скажу, я ему... Мы сели завтракать, выходной день, за столом, и я говорю: «Арестовали Ефуни». А отец говорит: «Перестань говорить глупости. Ты что, — говорит, — несешь?» «А вот и не глупости! Весь двор знает, все знают». И я помню, как отец положил ложку и говорит: «Тогда я ничего не понимаю». Но это Ефуни был не первый уже. Ганшина арестовали. Представляете? И я сразу смекнула. А я была, меня называли девочка-пудок. Я была такая полная, я там на лыжах каталась, на коньках каталась. И вы знаете, я стала переживать, я стала таять на глазах. И незадолго до ареста моего отца мама со мной пошла в Кремлевскую больницу. Мы в Кремлевской, знаете, на Калининском. Ну вот, туда пришли, он меня послушал, сделал рентген, сказал еще раз прийти. Мы опять пришли. И я очень хорошо помню, он маме показывал, он говорит: «Что с вашим ребенком? Почему у него

такое расширение сердца? Вы посмотрите, как сжато легкое». А я даже вот так вот зримо помню, мой враг — моя память. Вы представляете? И всё, говорит: «Знаете, тут надо вот еще такие и такие-то пройти». И всё, и в это время арестовывают моего отца. И мать туда сунулась, и у нее отобрали книжку. Всё, значит, уже дали понять ей, что... А 23 июля мы у нашей соседки, у девочки, у мамы был день рождения. И мы ходили в поле, собирали ей цветы, букет. Мы собрали букет. А когда пришли домой, то у нас сидят двое. Представляете? Ну и всё. И сразу мы поняли. А потом появился отец. Мама говорит: «А, вон, вон идет». А нет, они сразу вышли из калитки, по лесу, по лесу, по лесу. Там ему навстречу и там его арестовали.

00:58:18

Даже в дом не заходили?

Нет, потом он пришел в дом, он поел, переоделся.

00:58:27

А обыск был?

А обыск, да, сказали маме приехать в квартиру. На даче, что там на даче обыскивать?

00:58:36

А, это было на даче.

Мы были на даче, они на дачу приехали. А потом, когда я была в 1991 году, вот когда мне орден Ленина его вернули, то мне, который меня встречал, следователь — у меня тут всё записано — у него, знаете, у него так вот руки дрожали. Он говорит: «Вы знаете, мне 50 лет. Ну, — говорит, — невозможно читать эту липу. Это ну такая гадость, такая...» И говорит: «Ой, первый допрос 7 сентября, первый допрос 7 сентября». А я говорю, что он же 23 июля арестован, июль, август, я говорю: «Он полтора месяца отдыхал». Он говорит: «Вы что, какой отдых? Это, — говорит, — первый допрос тогда, когда уже человек сломался. Вы его не судите, он не может, человек, вынести те пытки, и то, что... Это нельзя, человек не может вынести. Но 36 дней он терпел, 36!» Вот столько он держался. И вы знаете, и потом сделали обыск, забрали у него, оружие было дома, конечно, там «Браунинг», то-се. Документы всякие забрали. И всё. А нас тут же, у нас трехкомнатная была квартира, нам сказали: «Переселяйтесь в большую комнату» — потому что вещи еще не конфисковывали, ничего, вещей полно, пианино, я же в музыкальной школе еще училась, и кровать, и шкаф, всё затолкали в одну комнату, в общем. А в эти две комнаты поселили Ефуни Веру Сергеевну. Подселили, а мама страшно обиделась, потому что мама окончила педагогический институт Плехановский, сдала все экзамены, ей только надо было что-то такое еще, государственные, по-моему, какие-то экзамены, но она — у меня есть все документы — она за все курсы всё сдала, государственные экзамены. Она говорит: «Мне надо к государственным экзаменам [готовиться], мне было бы гораздо удобнее мне две комнаты». А Вера Сергеевна, она была очень, гораздо моложе своего мужа, она училась в медицинском институте, третий курс она закончила. Ну, в общем, они, так сказать, поговорили, не ссорились, ничего. А потом мама Вере Сергеевне сказала: «Вера Сергеевна, вы видите, что у вас няня, — ну, так же, как и у нас была няня, — она беременна». А та говорит: «Да, да-да, Дуняша, да. Ну, ничего, мы вырастим ее ребенка, ну что ж теперь делать, ну, ничего». Она вырастила ее второго сына, Юра был и Сережа. Сережа был на шесть лет моложе Юры. И они очень ее берегли. Вот она говорит: «Ну, ничего». Ну и, в общем, так мы жили, а у нас не стала работать ванна. И вдруг мама приходит рано, говорит: «Знаете что, пошли в баню. А то ванна не работает». И мы пошли в баню. Пришли в баню, там намылись, то-се. Потом вышли, а сестра говорит: «Мама, давай тортик купим к чаю». Она любила, мне-то всё равно, я не очень это сладкое. «Мама, давай тортик купим». Ну, завтра праздник, 7 Ноября. Ну, в общем, решили тортик. Мы когда вошли в магазин, я увидела там гранаты. Я говорю: «Мама, купи мне гранат». Она говорит: «Ну что, ну какой чай с гранатами? Знаешь, ты учти, что у нас сейчас одна зарплата. Я, — говорит, — не могу рассчитать доработницу, пока не сдам экзамены». Потому что она и работает, и экзамены. Ну, в общем, как-то меня это немножко огорчило. Ну, пришли, мы попили чай после бани. Улеглись спать, ночью меня будят. А я брыкаюсь, спать хочется, не хочу. Потом, значит, всё-таки меня посадили. Смотрю, двое мужиков сидит, и два дворника наших. Представляете? А это с 6-го на 7-е пришли маму арестовывать. И сестра плачет, сестра говорит: «Мама, ну, ты скажи Наташе, ты скажи Наташе». Она говорит: «Она девочка умная, она сама поймет. Ты понимаешь?» А я кивнула: понимаю, хотя я вообще ничего не понимала. Я думала, думаю: наверное, конфисковывать вещи пришли. Но почему ночью? В общем, тогда я уже знала слово «конфискация». И потом вдруг приезжает третий. Говорит: «Вот, пожалуйста, Софья Корниловна подписала, что она берет на опеку денег. Нина Корниловна, одевайтесь». И когда сказали маме «одевайтесь», я посмотрела на маму... А у нас была Лилька, собака, шпиц настоящий такой белоснежный. И вдруг я увидела: у этой Лильки вот так вот слезы катятся из глаз. И до меня дошло. Я так

закричала — и упала на подушку. Я кричала. Ну, вот так это было. А на третий день моя сестра заболела скарлатиной. А у нас кровати вот так вот рядом стояли. Совершенно. И некуда было... Она вот отсюда, а я от окна заходила. И пришел врач, очень хороший мужчина-врач пришел. Он сказал: «Ты не ходи, ты уже инфицирована скарлатиной». Что вместе живете. И вот он приходил, он ее слушал и меня слушал и смотрел. Ее слушал и меня. Она выздоровела, а я не заболела скарлатиной. И он пришел, сказал, что «миленькая моя, у тебя с сердцем плохо. Температура нормальная. Лежать. Вот тебе лекарство. Значит, пей лекарство. И вот будешь в течение месяца, никаких, не гуляй, ничего». Ну, лекарства были не горькие, я их пила. И через месяц он меня выписал в школу. А я в школу и не торопилась, потому что я училась там, где мама работала. Но когда я пришла, то я почувствовала такое тепло от всех учителей! Представляете? И самое интересное, у нас директор школы была Мартыянова. Ее боялись как огня. Причем не только ученики, но и учителя. Я пришла в школу, и она входит на третий или какой-то урок, в школу, Прасковья Дмитриевна Лебедева у меня учитель. Что-то с ней говорит, потом выходит и говорит: «Рогачевой выпишите бесплатные обеды». И ушла. И вы представляете? А как вот я во дворе гуляю, с ребятами бегаю... Почему Веру Сергеевну-то к нам подселили? Потому что въехал новый начальник нефти Широков. У него девочка, Вера. Вера мне ровесница, мы с ней, она в одно[м] классе со мной училась. Так вот ему понравилось, что там вид на сад и там балкон есть, а тут нет балкона, вот эта квартира, поэтому. А Веру Сергеевну арестовали через четыре дня после мамы, и одну комнату у них опечатали, оставили им одиннадцать метров комнату, самую маленькую. Я когда играю, и вдруг эта мадам Широкова, совершенно малограмотные они, из Клина приехали. Потому что я знаю, к ней приходила учительница русского языка с ней заниматься. Представляете, открывает форточку, кричит: «Вера, ты с кем играешь? Отойди сейчас же». И вся компания, все головы задирают, а я как сумасшедшая бегу на четвертый этаж, и у меня слезы прямо так вот рекой льются.

01:10:14

То есть она не разрешала своему ребенку с вами играть?

Да, не разрешала, нет. И я вот, сколько мы с этой с Верой... до седьмого класса я училась в школе в этой, после седьмого класса я пошла работать, и до седьмого класса мы никогда с Верой ни в школу, ни из школы вместе не пришли. Никогда. Потому что она боялась своих родителей, а те запрещали строго-настрого.

01:10:46

А вообще после ареста родителей как-то во дворе изменилось к вам отношение?

Ребят? Нет. Ребят — нет. Ребят — нет, представляете?

01:10:57

А взрослых?

А взрослые — да. Была у меня такая Клара... Клара Кузьменко. Кузьменко ее фамилия была, Клара. И она мне: «Пойдемте, пойдём ко мне». Я говорю: «Да не пойду, я не пойду». Я вообще старалась никуда не ходить, потому что чувствовала такое отношение. И я... «Ну, пойдём, пойдём на минуточку». И я вошла. Только я вошла — и приходит ее матушка. Как она!.. «Это что за безобразие? Я тебе сказала во дворе с ней не играть, а ты домой ее привела?» Представляете? Я тут... Я, в общем, боком-боком и вылетела, конечно, из этого. А в основном-то в классе не знали и ко мне хорошо относились, у меня было... У меня друзей вообще всю жизнь было полно, очень много.

01:12:21

А в школе учителя поддержали, да?

Ой, в школе учителя ко мне очень хорошо относились. Я и училась неплохо, я плохо никогда не училась.

01:12:34

А не было такого чувства, что одни стали хуже относиться, а другие лучше?

Нет. Нет. Была вот одна там... Как-то у нас был такой порядок в нашей школе, переменка, все играют, пятое-десятое, а потом звонок — и все становятся в линейку. И в линейке расходятся по классам у нас. У нас школа 19-я на Зубовской, это бывшая гимназия царская была.

01:13:10

Значит, у вас 19-я школа на Зубовской, да?

Да, была 19-я, потом 29-я, сейчас не знаю, что там.

01:13:17

Она сейчас сохранилась, дом сохранился?

Да, да-да, сохранился, есть этот дом. И нас разводили, и вот когда я стою в линейке, и вдруг мне сзади одна из соседнего двора: «А я, — говорит, — знаю, что твоих родителей арестовали». А я взяла и вышла из линейки и ушла, не стала ничего ей говорить.

01:13:55

А сестра как переживала?

Сестра... У сестры случилась любовь большая очень быстро.

01:14:11

Это вот ей было же 15, да, когда арестовали родителей?

Да, да, мне 11, ей было 15, а когда в 1940 году... Нет, в 1941-м, в январе, приехал дядя и отец ее жениха договариваться насчет свадьбы, что сын просит, Алеша, чтобы пожениться, и я, вы, знаете, я это помню, это, знаете, такое время, они прекрасно знали, кто родители, то-другое. И он, знаете, он сказал, что «я не возражаю, только, вы знаете, со свадьбой придется немножко отложить. Дело в том, что у меня жена в июне рождает, понимаете, и сейчас уже ей, значит, трудно, а вот она в июне родит, а там месяца через два мы такую свадьбу вам устроим!» Такое, понимаете. И в июне начинается война.

01:15:49

Что-то вам тетя пыталась объяснить? Вообще вы задавали взрослым вопросы, почему арестовали родителей?

Нет, ну, во-первых, я никогда не, я никогда не сомневалась, что мои родители не враги, никогда, потому что, вы знаете, как это ни удивительно...

01:16:12

То есть, вы не воспринимали, что ваши родители...

Да, абсолютно, абсолютно, вы знаете, мой отец мне, так сказать... Во-первых, он восхищался Сталиным. Я помню, был какой-то съезд перед этим и Сталин делал большой доклад, и отец говорил: «Ну какая умница!» Перспективы, там, строительство, то-сё, пятое-десятое. Потом он мне, отец, подарил книжку Некрасова, полное собрание сочинений, и он написал, вот пишет: «Великий поэт Некрасов пишет, что, как дети жили, как раньше, что вот, а вы живете в счастливой стране под руководством коммунистической партии». Представляете, у него...

01:17:14

А мама как относилась к Сталину?

А мама, маме некогда было... У меня, сколько я знаю, помню, у меня мама всегда работала, всегда училась, всегда не на одном, так на другом. И всегда еще была очень большим общественным деятелем. В школе она была... профорг в школе, а школа большая была, у нас, знаете, школа была, когда я пошла, в три смены работала школа.

01:17:51

А где она территориально находится?

На Зубовской площади прямо. Вот Зубовскую площадь, знаете?

01:19:59

Да, она прям лицом выходит, да? Вот подъезд выходит лицом на Зубовскую, да?

Да, да. Знаете как, вот идет Пречистенка, да, Пречистенка, вот тут на углу был раньше магазин промтоварный. Вот мы идем к храму Христа Спасителя, вот храм Христа Спасителя. А вот сюда буквально, тут второе или третье здание, высокое такое, окна большие, вот школа. Вот прямо. Если повернете, пойдете туда.

01:18:40

Понятно. Значит, вот... Вы никогда не воспринимали отца как врага народа, да?

Никогда.

01:18:51

И родители очень... А вы как лично, когда... Вот я имею в виду, до ареста родителей как вы относились к Сталину?

Я вообще, так сказать, никак не относилась. Я столько читала, я прочитала «Три мушкетера», я прочитала Флобера... Ой, господи, забыла... Я читала такие взрослые книги, такие вот. Я была занята чтением, причем вплоть до того, что я брала фонарик и под одеялом читала, я не могла начитаться. А потом, самое главное-то, я же с шести лет начала собирать открытки художественные. Причем я пришла в магазин и увидела такие открытки, а у меня деньжата есть. А открытка стоила копейку. И я на все свои деньги купила 17 открыток. Причем, знаете, как продавцы... Причем, вот маленькая была, ни собачки, ни кошечки, ни цветочка, я покупала только репродукции с картин. Представляете? Меня это не интересовали, вот эта вот всякая мишура, представляете? И вот я, значит, говорила: вот номер такой-то, номер такой-то, номер такой-то, она мне все 17, да. Потом я листаю-листаю-листаю: «Ой, нет, а пожалуй, 18 лучше. Можно мне сменить?» — «Пожалуйста». И никогда, ни один продавец... Вот я стою 20 минут около прилавка, сказали бы «хватит тебе тут околачиваться», как сейчас, да? «Пошла вон». Никогда. Или что тебе еще менять. А то еще и два раза поменяю. И никогда. И вот я, как у меня заведется гривенник, я туда бегу. И вы знаете, и детство мое закончилось с тем, нас обобрали до нитки, до нитки, абсолютно. У нас всё украли. Вот я выходила замуж, я, значит, мужа, жениха, приходил, у меня сейчас есть этот ковшик, литровый ковшик, чай кипятила. Ни чая, ни кастрюль. Ничего, представляете? Ну а меня, я же начала работать с 15 лет. А меня что, я начала работать в Академии коммунального хозяйства, там одни старики. Значит, меня то на лесоразработки, то туда, то сюда. Я на лесоразработке была год. Была один раз четыре месяца, второй раз восемь месяцев. Представляете? И я приезжаю, у меня покрывала нет на кровати, люстра срезана, ничего. Представляете? И я ни слова, ничего не говорила. Вы знаете, почему я не говорила? Потому что мне вот говорят: пошла бы в милицию, то-другое. Что значит пойти в милицию? Дело в том, что когда я устраивалась на работу, когда меня устраивали на работу, я сказала, так как меня устраивали по дружбе на работу, я не могла, я сказала: «Вы знаете, у меня вот родители арестованы». Я помню, как она вспыхнула, Варвара Ивановна Смольная такая, походила-походила, говорит: «Знаешь что, не пиши, не пиши. Скажи, отец умер, а мама где-то у бабушки там больной в деревне». Я ничего не написала. А я знала: если я пойду, то тут же меня в милицию, на работе будет известно, понимаете, если я... И меня тут же уволят, а куда я пойду работать? Вдруг я вижу: идет Кузьменко, которая меня выгнала тогда. Я сделала вид, что я не вижу ее, и прошла, и вдруг она меня догоняет: «Наташа, Наташа, ой как Клара будет рада, пошли к нам, пошли к нам». Представляешь?

01:23:56

А это уже какой год?

Ну это уже был, я не знаю какой, 1939-й или 1940-й. Ну, представляете, я туда... «Нет-нет-нет, пошли, Клара замуж вышла». А Клара старше была меня на два года. «Клара замуж вышла, жалко, что мужа ее нет, но всё равно она так тебе будет рада. Пойдемте, вот-вот мы уже пришли, вот всё». Ну, взрослый человек, я воспитана, я и пошла. Вхожу, деревянный дом, крылечко, вхожу, сразу кухня, там полно всяких примусов и печка там топится. Потом, значит, мимо по ступенечке куда-то там, прохожу по коридору, вхожу в комнату этой Кузьменко. Значит, ее, ее не арестовали, а мужа только.

01:25:04

Так мужа арестовали после того, как...

Да, да. После того как арестовали, ее выселили вообще из квартиры, ни комнаты не оставили, ничего. А у нее двое детей было, у нее был еще Игорь, сын, постарше Клары, который вернулся с войны. У него остался один большой палец и вот так вот клешня вот тут такая, вот тут, где кости. И вот она: «Вот Клара, всё [нрзб], пятое-десятое». И скоро Клара пришла, и Клара действительно обрадовалась и очень жалела, что мужа нет, что он задерживается. Ну и в общем, я у них побывала, поговорила. Ну потом уже стало довольно... Я говорю: «Знаете, я не могу больше, я должна идти». — «Ну, приходи к нам, приходи, заходи». И я ушла. Я ушла, я больше к ним никогда не пришла. Думаю, господи, неужели надо самим пережить такое горе, чтобы сочувствовать человеку?

01:26:38

Когда вы остались с сестрой, кто еще с вами в этой комнате остался после ареста родителей?

Ну, тетя была восемь месяцев, потом она умерла.

01:26:52

Она переехала к вам? Она же не с вами жила?

Да нет, она не с нами. Она приезжала в субботу, в воскресенье... В субботу. Приезжала, сразу ложилась. Она была уже больна. Но дело в том, что мы видели, у нас было такое чувство, что она очень переживает. Во-первых, она и нас очень любила, жалела, и сестра всё-таки, и потом на работе. А дело вот еще в чем, что когда моего его отца арестовали, ну, она заявила, что вот сестры мужа арестовали, но так как она много лет работала и на хорошем счету была, ценный работник, ей вынесли выговор. А когда и маму арестовали, то ее исключили из партии. А как исключили из партии, знаете, стали отношения меняться. Ну люди же в каком жутком страхе жили. Вы даже... Вы даже всё это и представить не можете.

01:28:09

И вот, значит...

И, понимаете, и я-то думала, что она переживает: а вдруг ее с работы уволят, а как мы будем жить. Уже всё конфисковали, уже всё увезли у нас, понимаете?

01:28:32

А приехали специально конфисковать?

Ну а как же. Дело в том, что... Арестовали в ноябре, а летом... Сима же вернулась, Сима, да. Ну так как у нас уже была няня, а рядом жили семья Захаровых, Захаровы, и она очень подружилась с их домработницей Захаровой... Господи, сразу забыла, как звать. Ну это я сейчас вспомню. Она с ней страшно подружилась. И та ее стала умолять, что у нее знакомые, семья, муж и трое девочек, и умирает мать, да. Одна девочка туберкулезом больна, вторая там где-то учится, а третья где-то работает, понимаете? И мужик этот один и не знает, что делать, потому что хозяйство жена вела. И она ее умоляет. И Сима приходит к моей маме, ну она у нас и жила, она ее спрашивает: «Нина Корниловна, как вы думаете, вот если я, вот такое-такое положение, — Ариша ее звали. — Вот Ариша меня очень просит». Она говорит, мама говорит: «Ну знаешь, если людям так трудно, надо им помочь». И Сима пошла к ним работать. И она у них работала вплоть до ареста наших родителей. А когда наших родителей арестовали, Ариша Симу зовет: «Поедем ко мне в деревню на лето отдыхать». Отпуск, отпуск. А Сима говорит: «Давай, — говорит, — девочек Рогачевых возьмем. Ну что они бегают по этому по двору беспризорные, неухоженные, давай мы их возьмем». — «Ну давай». Представляете, они подошли к тете Соне, сказали, что вот, а Феня-то старая уже, тетя Соня им дала денег нам на питание. И я потом поражалась, сколько на эти деньги они покупали, причем покупали всё самое дешевое, пшено, мыло, селедки. В общем, самое дешевое. И взяли нас с собой, и мы поехали, это было от Ржева 25 километров. А ее брат, Тимка, как его звали, он был единоличник, у него была лошадь, он не был в колхозе. И он за нами приехал. И вот мы, значит, сели на эту лошадь и поехали в деревню. Приехали, ну, устали, 25 километров всё-таки, значит, комната, две комнаты. У него трое сыновей. В первой комнате там стол, печка, лавки, и на этих лавках спят сыновья. А они, значит, спальня там, комнатка, там даже занавески на окнах, иконы висят, и там вот они спят. Ну, а мы пошли на сеновал спать. Сарай полон сена, наверху красота летом. И мы, значит, там... И я встаю, выхожу, а смотрю, уже Тимкина жена вовсю стирает. А рядом стоит старуха старая с ведром. Тут скоро сели завтракать, то-сё. А эта старуха говорит: «Ты когда всё перестираешь, ты мыльную воду-то не выливай, налей мне в ведро. Я хоть свою юбку протираю». Представляете? А я говорю: «А зачем ей эта вода?» «Да, — говорит, — мыла у нее нет». Я говорю: «А что, у вас мыло не продается?» Она говорит: «Продается, но оно деньги стоит, 20 копеек надо. А где она возьмет эти 20 копеек?» Я помню, как я была поражена. Представляете, она пошла, старуха, с ведром этой воды свою юбку стирать.

01:34:19

А вообще, когда родители арестовали, вы почувствовали, что ваша жизнь в материальном отношении стала тяжелой? Или тяжелее, чем была? Вот как вы стали есть? Вы ели по одному, да?

Ну есть, есть, конечно, мы стали совсем по-другому. Например, у меня же... Я в первом классе села [з]а одну парту с Надей Исаевой, да, которая жила напротив меня в Кропоткинском переулке, ну прямо тут рядом, которая меня любила, по-моему, больше всех на свете. И я ее

очень любила. И всю жизнь мы любили с ней друг друга, представляете? И судьбы у нас оказались одинаковые. Только у меня отца в одиннадцать лет арестовали, а у нее в двенадцать лет мама умерла. А когда я познакомилась еще, там с первого класса же мы вместе сели, а арестовали в тринадцать лет, в третьем я была класса. Я часто к ней приходила. У нее была бабушка, жила с ними. Эта бабушка окончила Пансион благородных девиц в Москве и знала пять языков. И она так говорила интересно и содержательно. Причем я всегда ее видела в белоснежной кофточке, отутюженной, накрахмаленной, отглаженной. Они жили очень скромно. Они, ну, отец у меня был всё-таки как министр, мы же жили там материально... Нам достаточно было, а эти трудно жили. Но эта бабушка... Надя писала каллиграфически, бабушка ее научила. И училась она только на одни пятерки. Я училась так, четыре-пять, четыре-пять, когда как. У меня, между прочим, ну я лучше всех читала в классе. То есть когда вот собирались мы иногда компанией там какой-то урок учить, и вот давайте, ну, читай, я читаю. И вдруг я что-то такое, стала баловаться на уроке чтения. А как [нрзб] один читает, второй читает, третий читает. И вдруг она говорит мне: «Рогачева». А я не знаю, где они читают. Я тыр-пыр-пыр-пыр, а она: «Читай [нрзб]». И вдруг я нашла — и не могу читать. Я читаю, и у меня прямо... А она говорит: «Милая моя, да ты читать совсем не умеешь». Представляете? И вот, видимо, у меня такая психика, такая нервная система, я год потом не читала в классе. Не могу читать, и всё. То есть читала, но хуже всех. А год прошел, и был такой случай, я опять баловалась. И она вызвала меня и говорит: «Читать не умеешь, а балуешься, ну-ка читай». А я говорю: «Я не умею?!» Я как стала как пулемет читать. Она говорит: «Ты такие успехи сделала». Представляете? И с тех пор я стала... Такая вот нервная система, понимаете? Вот, я же говорю, что у меня ничего не... Я просто теряла сознание, и всё.

01:38:52

Наталья Георгиевна, вы что-то пытались узнать с сестрой про то, где родители, где они сейчас находятся после ареста? Как пытались, если пытались?

Да господи, как же я... До последнего этого, война кончилась, я стояла, как Ахматова пишет, ну, Кузнецкий Мост, 24. Там, вы не были там никогда? Вот сходите, посмотрите. Там, знаете, такие арки, арки, мост длинный, длинный. И с улицы-то не видно, а там толпа народа. А так как я работала в Академии коммунального хозяйства на Кузнецком мосту, я перед работой занимала очередь, потом там бегала отмечалась, ну, чтоб меня не забыли там, раза два. Ну, в обед, в другой раз, а часам к пяти подходила моя очередь. Я спрашивала, что... Мне всегда сказали, что он без права переписки в этом... Никогда не сказали, что он уже, давно его и в помине нет. Что без права переписки на 10 лет. Ну, всё.

01:40:19

А мама? Про маму что?

А?

01:40:22

А про маму что?

А мама... А мама нам прислала письмо спустя года полтора. Даже... Или два. Наверное... Нет, год с чем-то, она прислала письмо, что она добивается свидания, разрешить свидания со мной. И потом я получила разрешение, она написала, что вот разрешено свидание с мамой на два часа. А мама написала большое письмо, сказала, что «надо тебе пойти вот тут недалеко от театра Вахтангова на Арбате, там такая квартира, такой номер. Там родная сестра едет к своей сестре в эту Потьму в этот же день на свидание, только у нее подальше немножко лагерь. А она... И она тебе согласилась, что она поможет». Я пошла, разыскала, пришла. Сидит очень красивая женщина, так ну ей под 40 лет, наверное, 35-36. И там мужчина, ну мужчина, так, наверное, под 60. Я им сказала, кто я и что. Они сказали, мы всё договорились. Она взяла, записала мой адрес, сказала, что вот такого-то числа, значит, «я куплю билеты, мы купим билеты на поезд и за тобой заедем, ты будь готова, и на вокзал вместе приедем в Потьму». Представляешь, вот так. Я: «Ой, спасибо большое, я за деньгами». Они: «Ну что ты, что ты, что ты, ни в коем случае, не надо, не надо. Иди, иди, иди, собирайся». И выпроводили меня. Представляешь, ничего не взяли. В назначенное время он приехал, отвезли нас на вокзал, мы с ней приехали в Потьму.

01:42:57

А с какого вокзала?

Не помню, просто не помню. Ну сейчас я вам скажу, с какого вокзала, это... Наверное, с Казанского, на южное направление.

01:43:20

Наверное.

Думаю, да. Ну вот, и, значит... У меня есть на даче атлас 1951 года, а я там была в городе Тал... Талдом, Талдом рядом, из Потьмы. И я хотела посмотреть, где этот Талдом, думаю: сейчас посмотрю. Я взяла атлас... И вы можете себе представить, он у меня есть, он только на даче, такая книжка в хорошем переплете, 1951 года издания. Издание, значит, выпускает КГБ или вот кто-то там. А там Потьмы города нет. Представляете? Даже нет Потьмы.

01:44:20

А сколько вам лет было, когда вы поехали?

А я поехала, мне было один... двенадцать лет. И я потому что... Сейчас скажу... Это год, да, одиннадцать, двенадцать, да, двенадцать было. Ну, уже скоро, это в марте у меня, а тут, значит, я поехала на зимние каникулы, январь. Двенадцать. И я... Приехали туда, там к начальнику. Начальник посмотрел: «Да, вот вам есть по два часа свидание. Ну сначала идите, отдавайте вещи в пропарку, потом в баню» — и так далее. Мы вещи отдали в пропарку, в баню, думаю: надо заглянуть хоть. Я открыла баню, а там баня — комната метров тридцать, она огромная, холодрыга, и никого нет. Я говорю: «Ой, как же тут мы-то?» А тут женщина сидела, она говорит: «Что ты, — говорит, — с ума сошла? Дай банщице 20 копеек, она тебе даст». Она пришла, я ей дала 20 копеек, она мне дала бумажку, что я вымылась. Пришла к начальнику, значит, дал пропуск нам на этот пункт.

01:45:51

Как лагерь назывался?

Потьма. Так и назывался, Потьма. А ехать мне было, я ехала туда, да... Вот как мы, значит, от города чуть сдвинулись, забор деревянный, потом колючая проволока, по-моему, четыре нитки, через определенные промежутки времени вышки, где стоит... Вышка открытая, только вот конус закрыт, солдат стоит с винтовкой со штыком, на вышке там, на ветру, это мы в январе были, а напротив глухой лес. И вот до маминого пункта я ехала девять часов, и вот это всё эти вышки, вышки, вышки, лес и так далее, девять часов. А она ехала еще три часа, ей двенадцать надо было к сестре ехать.

01:47:05

Эта женщина, которая вас сопровождала?

Да, да. Там выходишь, там окошечко, сразу подаешь это, и тебя пускают в гостиницу. А гостиница, значит, одна вот такая комната, вот комната, тут маленькое окно, конечно, за решеткой, тут дверь, без двери, проем просто дверной, вот так. Тут стоит стол, тут лавка, тут тоже маленькое окошечко в решетке, а тут, значит, диван, где спать. Ну так как я приехала уже вечером поздно, а утром свидание, я устала, честно говоря, потому что всё время напряжение какое-то, я легла на этот диван, а там, слушайте, я такое количество этих клопов в жизни никогда не видела. Вы знаете, просто это было какое-то полчище. Я минуты ночью могла уснуть, представляете? Потом, значит... А мама, с семи часов они начинали работать, значит, она с семи до десяти часов работала, а в десять, смотрю, ведет ее этот тоже, со штыком, сюда.

01:48:49

Ее в гостиницу к вам привели?

Да, ну сначала сюда, а потом, значит, да. И мы с ней сидели вот за этим столом.

01:48:59

Так где это было свидание? Где оно находилось? Проходило, где свидание?

Вот это в этой гостинице, две комнаты, вот я вам и рассказала. Только двери не было. Вот тут такой вот коридор, вот тут он сидел на лавке и смотрел, что мы там делаем. И слушал, естественно, ну как это, не будешь же шептаться...

01:49:29

Охранник, со штыком?

Охранник, со штыком, да, сидел всё время вот здесь. Ну, и она пришла, и она сказала: «Ты знаешь, я написала начальнику заявление, и он мне продлил свидание на два часа». Значит, вот она сейчас с десяти до двенадцати, да, а потом там в двенадцать у них обед, а потом она до

шести работает, и с шести до восьми еще у нее будет свидание. А в девять часов идет, проходит мимо груженный лесом товарняк, и я могу уехать, это мне сказали там. Ну, встретились, мама была такая нарядная. Единственное, что мне было внове, она была совершенно седая, вот такая же белая, как я, потому я ее никогда не видела. Она была седая, но она была очень нарядная, она сказала: «Ты не удивляйся, это у нас общий наряд для свиданий». К кому приезжают, значит... Теперь она говорит, что тогда еще было, было, у них не было уголовников, к ним не подселили. Это же потом, спустя два года, к ним подселили, к политическим и уголовникам, и тогда начались и воровство, и стукачество, и, в общем, и рта открыть было нельзя. Потому что уголовники считали себя по сравнению с ними достойными людьми, а ты, они как называли, «ты вражина», враг народа, «ты вражина». Вот это вот была вражина. Ну вот, она мне всё расспрашивала, кто такая Тулякова. А Тулякова же взяла меня на опеку-то.

01:51:49

А вот расскажите про само свидание, пожалуйста, а потом немножко про Тулякову.

А что про свидание?

01:51:57

Она о чем-нибудь рассказывала?

О чем вы говорили?

01:52:00

О чем вы говорили?

Она... Говорили... Она только задавала вопросы: что едите, во что одеты, как учитесь, как здоровье? Ну, конечно, расспрашивала, как Соня умерла, как что. И столько было родственников в Москве, двоюродных ее сестер здесь — ни одна, никто нас никогда не навещил, никогда нас не вспомнил, понимаете?

01:52:40

То есть практически вся ее семья от вас отвернулась?

Да, но она говорит, она сказала, что ее... Вот я только не помню, это тот раз или позже она мне уже писала... Что тетя Тося, они же в станице были, войны-то еще не было, а ее муж был директор конного завода, племенного, для армии. Он был награжден орденом Красного Знамени и так далее, и, в общем, был завод такой, видный очень, потому что там скачки устраивались в Петербурге, туда и Ворошилов, и Буденный приезжали и так далее, и вот там, значит, эти жеребцы какие-то необычайные. Как мне рассказывал его сын, Юра, потом, что, говорит, «видел, как один раз только плакал мой отец», плакал, когда кобыла какая-то там племенная ногу сломала, ее пришлось пристрелить. И вот он маме прислал посылку сала, и она говорит, что «он так меня поддержал, потому что я ни от кого ничего не получала», ну там очень и с нашего двора, и знакомые, понимаете, и мама-то моя освободилась только благодаря тому, что там врачом была Пагачева врач, потому что кого освобождали, не разрешали, отсюда, вот в Мордовии, тут и работайте, при тюрьме или еще что-то, понимаете, некуда ехать. А она ей столько болезней всяких понаписала, что ее списали, понимаете?

01:54:58

А сколько ей лет дали после суда?

Кому?

01:55:03

Маме. Сколько лет...

Какой суд, о каком вы суде говорите?

01:55:07

Ну не суд, да, а вот...

Суда никакого... Восемь лет. Восемь лет. Никакого суда не было. Когда она написала на реабилитацию справки, ей ответили: «Вы реабилитации не подлежите, потому что вам не было суда и не было представлено никакой статьи». Представляете? А потом прислали документ,

что постановление правительства отменяется и что вы, значит, считаетесь, что...

01:55:51

А в каком году она первый раз на реабилитацию подала?

А? Ну, наверное, после смерти Сталина, тут бы это самое... Представляете? Так мало того, что она когда вернулась и там стала комнату просить, что она жена Рогачева, что она была тут, а говорят: «А где документы?» Она говорит: «Какие документы? У меня никаких документов нет, все забрали». Так ей пришлось через суд — это у меня все документы есть — доказывать, что она жена, была жена Рогачева. Представляете? Судебными показательствами. Все там родные, знакомые подтвердили, что она была женой. Когда арестовывали, никому не надо было, не подтверждали. Да?

01:56:48

Да-а.

И без суда, и без следствия.

01:56:52

Наталья Георгиевна, а если вот вернуться к этому...

Заберу у вас.

01:57:01

В кадре новый предмет, не склеится иначе.

Заняты.

01:57:07

Ага. Значит, а если возвращаться к тому свиданию, а мама плакала?

Нет, ни я, ни мама не плакали. Мы не плакали. Нет, не плакали. Нет. Она меня всё спрашивала: «Кто такая Тулякова? Я не знаю никакой Туляковой... Соня никогда не говорила ни про какую Тулякову. Какая она приятельница? Где она работает?» А я говорю: «Я не знаю, где она работает».

01:57:38

А каким образом вот эта Тулякова вас...

А Тулякова, когда умерла Соня, она приехала к нам на Смоленское, домой. И сказала, что она близкая подруга тети Сони, что она с ней всегда была это самое, поэтому она нас отвезет на похороны тети Сони и что она, значит, если мы... Тетя Соня очень просила ее не отдавать нас в детский дом, а взять ее под опеку. Если мы согласны, то она готова. Но мы так боялись детского дома, что мы вообще со всем были согласны.

01:58:42

А сколько вам было лет?

01:58:45

Ну мне было 12.

01:58:46

А сестре?

01:58:48

А сестре было уже 16.

01:58:52

А вот когда вы ездили к маме на свидание, это какой год был? Вот вам было 12, скоро 13. Это были зимние каникулы. Какой это был год?

Это был, сейчас скажу... Значит, в 1937-м ее арестовали, в 1938-м, это был 1939 год.

01:59:13

Зимние каникулы?

Зимние каникулы, 1939 год. А дело в том, что сестре было 12, но она училась, училась чуть ли не в шестом классе, в 16. Потому что когда у меня сестра училась, вся ее учеба была связана с переездами. Понимаете? Она училась-училась, потом кончала учиться, потом куда-то переезжали, где-то жили, то ли у знакомых, то ли это самое. Потом получали квартиру, ее устраивали учиться. Уже несколько месяцев проходило, и, короче говоря, ее оставляли на второй год. А мама даже не переживала, говорит: «Ну и что? Ну лучше пусть лучше знает, чем будем ее там тянуть».

02:00:05

Вы были пионеркой?

Конечно. Была пионеркой, да.

02:00:11

Вас же должны были где-то в 11 лет, а нет, в 9 лет в пионеры, да?

Да.

02:00:16

А комсомолкой?

Я вступила в комсомол, но потом вышла.

02:00:23

Это когда было?

Это было в 1944 году.

02:00:31

Вы вступили в комсомол?

Там был этот самый, он с меня не слезал. Во-первых, я всё время была на доске почета. Как это самое...

02:00:42

Это вы где тогда работали?

В Академии коммунального хозяйства. А мы работали, мы работали-то на войну, представляете? У нас что? Значит, мы... Паника в Москве в октябре. Значит, всё там поломали, побросали и бежали. Вы не можете себе представить, что такое паника в городе. Это страшная вещь. Вы знаете, все магазины, вот эти мешки с песками, все закрывали доверху. Теперь кругом поперек Садового кольца эти ежи поставили. А, директора заводов, начальники ринулись из Москвы бежать. Оттуда стали заставы рабочих, стали их вытаскивать из машин. Представляете? Вот так вот. И такая была паника. А паника была почему? Потому что там Гудериан... Ведь... Ну, вы, не знаю, знаете или нет, что Гудериан, когда шел на Москву, ну, это танки, да? Знаете, кто такой был Гудериан, да? Вот когда он шел на Москву, он шел по кратчайшей дороге, через Тулу. И когда он подошел к Туле, туляки, не имея ни армии, ничего... Ну, вот я в Туле два года в командировке сидела. Я там очень много работала, у меня там большая-большая работа была. Так вот, знаете, там как? Там улица Курковая, Прикладная, Стволовая. Понимаете? Там одни... Одни вояки. Так они стали из водосточных труб минометы делать. И они своими силами, они не пустили Гудериана в Тулу. Вы представляете? На заводах всё ломали, чтоб враг... враг, знаете, не это самое. Всё же, там же и Большой театр должны были взорвать, и то, и сё, я не знаю, как это не взорвали еще, ума хватило. А потом, когда эта паника-то кончилась, стали... сразу же надо ремонтировать, надо готовить, надо всё — а нету, лаборатории нет. И принесли к нам, а у нас была лаборатория химическая. И вот мы эти анализы делали, а полпреды вот так вот сидели человек по 12 и только молили: «Ну

пожалуйста, фосфора поменьше, ну пожалуйста». Потому что фосфор и сера были определяющие.

02:04:02

Это анализ для чего был?

Ну, они приносили свои сплавы, чтобы пустить мины делать, или пушки лить, или еще что-то, понимаете? Надо же химанализ знать, из какого материала. И вот я вам скажу, что, честно, что было, мы иногда и лукавили. Вот у них был допуск — 33 десятитысячные. Вот это норма была. А у него не 33, а 38. И вот: «Ну девушки, ну миленькие, ну пожалуйста, ну переделайте. Ну вы, вы, наверное, ошиблись». Ну вот, иногда и переделывали, а иногда и поправляли. Представляете? А иногда нам, я помню, один раз нам принесли полный кузов мин. Полный кузов. Представляете? Я не знаю, сколько их там было сот. И вот мы их всех на Бриннеле на твердость [нрзб]. И ни одной не было... Все были бракованные. Потом, помню, пришли летчики, офицеры такие, принесли нам стропы, парашют. Грузовые, значит, где-то захватили грузовые парашюты, так им же надо, знаете, какую, они груз выдерживают, сколько они груза опускают на нашу землю. И по числу, по весу это можно определить, что это, танки или еще что-то. И вот, о, я помню, мы с этими стропами, мы, значит... Надо разорвать. А они тянутся и не рвутся. Тянутся... Ой, мы двое суток в нетопленном помещении. Холодно. У нас пальцы вот такие вот распухшие были. Работали, никаких выходных, ничего.

02:06:17

Так как же вы в комсомол-то вступили?

А в комсомол — вот ко мне пристал: «Вот в комсомол, в комсомол». У него тоже был, ну, там ему... А я и отличница, и всё, представляете, и не комсомолка. Ну и, в общем, я уже почувствовала, что мне деваться некуда как-то, и я вступила в Комсомол. И всё, и на этом я погорела. Я вступила в комсомол, это было в 1944 году. Представляете? В 1944 году. А мне, значит... Вдруг меня вызывают в отдел кадров: «Вот надо на Неглинной площади, там здание такое, не могу говорить, не буду, надо подняться туда, на второй этаж, вас там на собеседование ждут». Я пошла. Значит, дали мне какое-то подписание, всё. Я предъявила, взяли, сверили — проходите. Я вхожу. Огромная комната, такой вот стол, наверное, от балкона до этого. И сидят одни девушки. Выходит офицер и говорит, что, несмотря на то, что война уже к концу идет, что она заканчивается, но враг еще силен, и что он будет, там, всякий реванш, всё. Что «вот, девушки, вы будете мобилизованы. Сначала мы вас научим пользоваться, как это... передающими устройствами, потом познакомим со всяким оружием, потом научим, как стрелять. Потом, значит, вы будете изучать немецкий язык, будете знать, значит. И, возможно, некоторые даже будут заброшены в Германию. Но пока предварительно вот я вам даю анкеты, и, пожалуйста, вы эти анкеты заполните. Только самым подробным образом. Тут не только родители, но есть и двоюродные братья, или сестры, или тети, дяди — все заполните». Ну всё. Я взяла эти анкеты. Я поняла: что я буду заполнять их? Да? Я же не напишу, что они все умерли. Я к нему подошла. Я говорю: «Вы знаете, мне было 11 лет, в 1937 году мои родители были арестованы». Ах, как он на меня заорал: «Вон отсюда! Вон! Кого прислали? Вон, чтоб тебя не было!» Представляете? Ну всё. Я поняла, что всё, больше мне в академии не работать. Ну вот, я ушла. Потом меня вызвали в это самое... Как его?

02:10:17

В отдел кадров?

Да. Нет. Ну в первый отдел. Как и что, почему. Ну, а я говорю: «Ну, вы знаете, ведь наш любимый вождь Иосиф Виссарионович Сталин сказал, что дети за родителей не отвечают. А я, что, было 11 лет, что я там понимала... Поэтому я и не стала...» Ну и в общем, туда вызвали, сюда вызвали и сказали: «Значит, мы вас от работы отстраняем, но вы сначала поедете на лесоразработки. Поедете. Значит, отбудете лесоразработки, а потом можете по собственному желанию увольняться». Понимаете? Вот так.

02:11:28

И куда вы поехали и как это было?

Я поехала на лесоразработки. И на лесоразработке я была восемь месяцев.

02:11:37

А что вы там делали?

Что делают на лесоразработке... Я до этого была на лесоразработке четыре месяца. Вы знаете,

мой любимый инструмент — топор. Я так любила! Вот мы дачу строили, мы же сами построили всю дачу, всю-всю, от начала до конца, от фундамента до крыши. Начиная с того, как шурили деревья, как сделали из них столбы и так далее. А это лесоразработки были другие. То есть нас погрузили на теплоход и повезли нас по Оке. А нас погрузили, я не знаю, сколько-то, ну, несколько тысяч, наверное. И вот остановка, говорят, что «такой-то район, выходи». Выходит. Мы вышли, наш был последний район. Это была станция Ватажка. Затон. А там, значит, что было? Мы вышли, маленькая станция, пристань. Там несколько женщин, одна яички продает, другая молоко, ну, рыбки. Мы все сошли, и нас повезли, повели к нашим баракам, куда, где мы должны были жить. И повезли... А повезли, мы вдоль дорог. А дороги, значит... Была такая дорога сделана. Ну, вот тут вот остановилась эта баржа, то есть этот наш теплоход, он уехал, мы остались. Стволы сосен. Вот так вот стволы сосен. Вот так вот лежали. Вот так. И такая была дорога. Сделана. Там она, где-то там овраг, какая-то вода, какое-то болото, мост какой-то сделан. Теперь, когда мы под конец дошли, тут море на высоком берегу, на высоком берегу это в километре приблизительно, сложены дрова, метровые, поленицы. Необычайное количество. И там стоят такие тачки. Значит, у них колеса точно как катушки. Вот они катушки сюда. Потом... Тут четыре палки. Сюда укладываешь дрова, упираешься руками и везешь вот до пристани эти дрова. А тут сгружаешь, там приемщик, и у каждого своя поленица. Сколько он... Ну, надо сказать, что там недалеко были воинские части, и вот это я скажу совершенно точно, иногда солдаты... солдаты или офицеры ходили или купить что-то там на рыночек, или письмо опустить, почтовый ящик был единственный на этой инстанции и так далее. И вы знаете, ни один мужчина не прошел мимо, они тут же приходили и с нами впрягались. И когда, значит, приезжали, так осторожно, тихо спрашивали: «Девочки, за что вас?» А мы: «Ха-ха-ха, да ни за что, мы мобилизованы, что вы, да что вы, ни за что мы. У нас даже охраны нет». Они говорят: «Да куда отсюда убежишь». Понимаете? И все считали, что мы... И вот так мы, значит...

02:16:32

Это были солдаты-эмвэдэшники?

02:16:35

Нет, солдаты, эти самые... Части солдатские стояли там, лагеря. Нет, нет, никакие не энкавэдэшники. А вот эти самые... солдаты.

02:16:46

А они-то что делали там?

02:16:48

Ну лагерь у них там, лагерь, они обучались, молодые солдаты. Вот только что призваны, их там, чему учат же, наверное, стрелять.

02:17:01

Я не знаю, пехота, артиллерия, ракетные?..

02:17:04

Я, убей, не знаю. Я не знаю, потому что мы же с ними, как говорится, только вот на один миг, проход, мы же... у нас не было таких дружеских отношений.

02:17:15

И все восемь месяцев вы возили эти дрова?

Нет. И мы вот вывозили до тех пор, пока не приходила баржа. А потом приходила баржа, и тогда начиналась погрузка. Вот перед приходом баржи нас даже лучше кормили. А кормили нас два раза в день, утром и днем. Вечером это сама, как хочешь, ешь. А когда перед приходом баржи, дня за два, уже что-то, мясо сварят или еще что-то, лучше. И, значит, баржа... А баржа-то... вот берег, а вот баржа стоит вот так. Делали вот такой помост. И потом сюда. А помост просто из досок. И уже нам давали просто тачки такие, колесо и два этих самых... [нрзб] и две палки. И мы вот туда накладываем дрова и с этого берега вот сюда. А наверху стоят два очень опытных лесовика, с лесничества, у них огромные крюки. И как ты только приостановился, они

сразу за колесо хватают крюками и тянут тебя. И вот так вот два дня. Один день баржа стала ниже. А потом стала ровень. А потом стала ниже туда вообще. Был даже случай, что с тачкой, бух, туда в воду разгонится, ну, несчастных случаев не было. И вот так вот грузили баржу. А как грузили баржу? Значит, затемно вставали и затемно ложились. Вся еда была на берегу. Никуда, ни отдыха, ничего. Поели — всё, пошло. Кто возит, кто раскладывает дрова. Ой, сколько же в барже дров помещается! Ужас просто. Значит, отгрузили баржу, отгрузили как там хорошо, потому что неустойку заплатили только за один день. Потом вторая баржа пришла. Потом вторую баржу [нрзб]. И дров не стало. Ни там наверху нет дров, нечего возить, ни тут нет. Всё погрузили на баржу. А за нас не едут. А с нами был представитель от райкома. И он говорил: «Про нас забыли». И сколько он ни пытался звонить, домогаться, никто о нас ничего не знает. Как выехать? Как уехать? Ну и, в общем, тогда он пошел в воинские части. А воинские части, тоже у них заканчивалось... Там лагерь, и они тоже вывозили. И он договорился, и эти военные, они на грузовых машинах нам сделали, поперек доски положили, и на открытых машинах мы, значит, поехали до города Кадом вот этого на этих машинах. А Кадом — это по лесу, никакой дороги, кочерыги там, то ли ручей, то ли река... То стоит, то толкает, то все выходят. В первую ночь приехали в одну деревню, не доехали. Мороз, холодно. И я вот в своей книге это пишу. Господи, я говорю, честь и слава нашему русскому народу. Хозяева — сами-то полунищие все. Но как же они... Какое сердце у простого народа! Вот скажите. Вот эти вот родственники, которые нас ни разу не навестили, а которым мама, всю жизнь она занималась тем, что она кому-то посылала посылки. То посылки, то подарки. Представляете? Она всё беспокоилась, мы-то хорошо жили. И вы представляете? И тут же они нам сделали... Сварили нам кисель, я помню, молочный. Знаете? Больше нечего было есть. Уложили всех спать. Мы так отогрелись. И потом к трем часам на следующий день мы приехали в город Кадом. Но к утру мороз стал крепче, и когда мы приехали в город Кадом, мы так замерзли! Ужасно. И нас привезли сразу на спиртзавод. Представляете? И директор, видя, как мы дрожим, налил нам всем спирту. Мы: «Нет-нет-нет, не будем, что вы, что вы, горький». Он говорит: «Да вы что? Это водка горькая, а спирт не горький». Я помню, как все мы выпили, ну там выпили [нрзб], и как тепло всё стало. И я, значит, пошла в дом, куда нас определили, легла и уснула. Теплая печка, я так крепко спала, что когда я проснулась, я увидела, что у меня ожог вот тут. Там это рядом, которое было навалено, оно, видимо, там разъехалось, и я даже не чувствовала. И у меня вот такой вот волдырь [нрзб]. Теперь пришел к нам представитель и сказал: «Билетов нет на Москву, как хотите, так и доезжайте».

02:24:01

А это уже 1945-й?

А это, да, это едут с фронта, 1945 год. Представляете?

02:24:10

Это уже после победы?

А?

02:24:13

После победы?

После победы. После победы, да. Едут с фронта, даже и никаких это самое... И тогда мы собираемся четверо, трое девочек, один тоже наш, [нрзб], но он такой маленький, худенький, его никто не брал, мужские, в свою бригаду, и он около нас там был. И мы поехали на платформе поезда. Причем мы-то хотели, знаете как, вот так вот, там поезд и вагон, вот тут двери вот так. Да? И мы думали, что мы вот здесь будем, а здесь ничего нет. Здесь уже сидели на чемоданах женщины, понимаете. Закрыто. А вот здесь была такая площадочка, и там были какие-то поручни, за которые можно держаться. И вот мы сюда четверо. Во-первых, сначала мы пошли на рынок, всё распродали, что у нас было, туфли, то-сё. Оставили только теплое, одеяло. Потому что нам надо было до Рязани доехать, а на Рязани электричка там, рабочие поезда, и можно доехать до Москвы. И мы поехали, но как только тронулся поезд, вы знаете, мы оказались как голые. Ой, такой холодрыга! И тогда мы по ходу поезда, мы, значит, достали одеяло одно, и вот так вот каждый взял — одной рукой держится, другой держит узел этого одеяла. Одеяло, это кусок вот так вот завязали, чтобы... Держим это одеяло, чтобы вот голову и тут немножко. Потом проехали, остановка какая-то была. Мы взяли, второе одеяло достали. Двумя одеялами, расстелили, опять завязали. И опять. Только тронулись, проехали с час, вдруг приходят трое парней, говорят: «Женщины, открывайте, нам надо пройти в вагон». Понимаете? Они говорят: «Да что вы, да то-другое. «Нечего, нам надо в вагон, нас ждут. Давайте вставайте, вставайте». Представляете? И только эти женщины встали, они их чемоданы сбросили и сами прыгнули. Они так кричали, представляете, остались голые. Ну и всё. А что мы можем? Мы сами дрожали, чтоб нас не сбросили на ходу. Ну, в общем, приехали в Рязань. Купили уже

сначала один какой-то рабочий поезд, потом пересели на электричку. А я когда подъезжала к Москве, у меня температура была 40, у меня вот так вот рука распухла вся, красная. Я, значит... Как я до Нади добралась?.. К Наде я поехала, потому что куда мне было ехать? Я приехала к Наде. В общем, месяц я была на больничном. Потом пришла в академию. В академии меня уволили сразу. Ну и думаю: ну куда же мне идти? Я пошла в школу к Мартыановой, наниматься на работу. А там встретила мамину приятельницу. Софья Николаевна, она учительница химии была. А я химию вообще любила, и я хорошо училась. Она говорит: «Что...» Я говорю: «Знаете...» Она говорит: «Ты что? Ну кем тебя возьмет директор? Ну возьмет уборщицей, полы мыть. Ну ты же умеешь уже какие-то анализы делать, на каких-то приборах работать. Ну походи, ну поищи». Представляете? Я, значит, походила, искала и нашла в Институте стали объявление, что требуется знающий, умеющий делать анализы. Я пришла к Дымову, к профессору. Он говорит: «Умеете делать анализы?» Я говорю: «Умею». — «Ну а фосфор вы можете рассказать?» Я говорю: «Ну, проще простого». Он меня спросил — правильно. «Я вас беру». Хорошую мне зарплату дал.

02:30:03

А вы здесь говорили, что у вас там, почему вас уволили. Вы что-то говорили о своем прошлом?

А никто не спрашивал. И я когда написала биографию, я тоже ничего не писала тут. Вообще ничего про родителей не писала, потому что никто не спрашивал. А я и ничего не написала. Но потом пришел Уткин. У нас еще сосед комнату, которую распечатали, занял. Это был негодяй жуткий, который всем говорил: «Я разоблачил их родителей. Я их раскрыл вредительскую деятельность». А такого, как Уткин, к отцу вообще на порог и не пускать. И когда я хотела... То есть уже у нас была, перед свадьбой всякие волнения, телефонные разговоры: Институт стали, Институт стали. И он нашел этот Институт стали. Меня вызвали в первый отдел, в Институт стали, и сказали: «Как! Вы четыре года работаете, и мы не знаем, что у вас родители враги народа?» А я говорю: «У меня не враги народа родители. У меня мама учительница в липовской школе работает».

02:31:42

А мама к этому времени уже вышла?

Да, мама вышла. Она в липовской школе работает. «А папа, — я говорю, — через два года выйдет». А там был начальник этого первого дела, ну и, в общем, он: «Знаете, как это можно скрывать от государства! Вы знаете, что могло получиться?» И меня, знаете, вот так вдруг затрясло. Я встала, и он на меня полез. Я как заорала! Он: «Тише-тише-тише. Я тебе помочь хотел. А ты такая... Ну смотри, только проговоришься, к отцу поедешь».

02:32:37

В каком смысле на васлез?

Ну в каком... В каком мужик лезет?

02:32:44

А. И он хотел таким образом воспользоваться?..

Конечно. Ну и что, вы думаете, это мне прошло? Я же никому ничего не сказала. Я действительно боялась: как я скажу? Думаю: ну уж будь что будет, тем более что я выхожу замуж. Скоро мы уедем с мужем.

02:33:17

Это какой год был?

Это был 1950-й. Но я на третий день из муфеля достала щипцами два фарфоровых тигля с температурой, наверное, 600–700 градусов, поставила на асбестовую подставку и упала, потеряла сознание.

02:33:59

А к маме вы еще ездили на свидание?

Нет, больше не ездила. А вот после маминого свидания — это я вот вам не сказала, что я же заболела. Я приехала, я стала терять сознание, причем в школе, с парты начинала падать. Представляете? И меня отправил врач в клинику. Сначала в одну, потом вторую, куда-то на Метростроевской. Я пришла, мужчина... А я так себя чувствовала ничего, я только,

единственное, я боялась через дорогу переходить. Понимаете? Я боялась, что я, в общем... Какой-то вот такой страх появился. Я к нему пришла, а он говорит: «Вот я сейчас вот возьму вам...» Вот такая бумажка у него, просто разрезанная так вот. Разрезанная бумажка. И тут такие палочки. А тут она разрезана совсем. Говорит: «Знаете, я вот сейчас вот эту — достал секундомер. — Вот я сейчас начну эту двигать...» Ну, палочки. Эту в эту сторону, эту в эту. «А потом остановлю [нрзб]. А вам покажется, что они еще двигаются. Как они остановятся, вы мне скажете». Я сижу и думаю: вот дурак старый, палочки остановятся, а будут двигаться... Я вот так вот сижу. Тут он, тут он сидит со своим секундомером. Он только двинул эти палочки, я упала на него без сознания. Представляете? Потом меня долго лечили. Сначала какой-то воротник электрический, потом где-то под лопатки. В общем, вот так. Ну мне помогли, меня вылечили. Ну и лекарства там.

02:36:47

Это были последствия вот этих ваших травм, когда вы к маме ездили, да?

Да. Меня, знаете, очень... Я помню, когда мы с мамой попрощались, но тяжело всё равно простаться всё-таки... Что там говорить, не хочу даже говорить об этом. Представляете, и мы, значит, так обнялись, ну не можем расстаться. А солдат говорит: «Ну, девка, пошла!» Вы знаете, меня как будто по лицу ударили. Я говорю: «Мама». Мама говорит: «Не обращай внимания. Не обращай внимания. Что, не видишь, что это?» И она пошла. И вы знаете, я с мамой разговаривала или прощалась, и не плакала, ничего, а вот приехала — и заболела. И потом меня хорошо полечил этот доктор, ну долго я лечилась у него, больше месяца, наверное. А потом вот этот вот когда на меня, значит... Я, во-первых, не ожидала. Такой старик вообще. Ужас какой-то. И, представляете, у него кабинет, всё заизолировано глухо, с двух сторон двери, чтобы там никто не подслушал. Но я так заорала! А Георгий же за мной ухаживал, и когда я упала, и он ко мне шел, и он мои носилки в медпункт привез. А в Институте стали была очень хорошая врач. Она всех выгнала, час никого не допускала, потом стала меня лечить, потом тут же написала в профком: немедленно дать путевку в неврологический санаторий. Представляете? И, вы знаете, и мне дали. Просто... Ну, это была зима, это был декабрь месяц, в общем, наверное, путевки были лишние, и мне дали эту путевку, я поехала в этот санаторий. В санатории тоже меня лечили, а потом, вот я вам рассказывала, что как это... Мы там обедали в две смены, а большущая столовая, зал, не знаю, метров 50, в две смены. Мы, значит, первая смена. Вдруг входит директор и говорит, что «граждане отдыхающие, сегодня исполняется 70 лет Иосифу Виссарионовичу Сталину. Кто желает, может пойти от имени палаты или от себя лично...» И вы знаете, я помню, как весь зал, все до одного, в том числе и я, поднялись — и все пошли давать телеграмму. Потому что не знали, кто тут стукач, кто не стукач.

02:40:39

А у вас после ареста родителей как-то изменилось отношение к Сталину?

Да господи, о чем речь... Конечно.

02:40:48

То есть вы понимали, что он виной? Ну, как бы...

Конечно.

02:40:52

Когда вы поняли, кто виноват?

02:40:55

Вы же совсем маленькая были, когда арестовали-то. Вот когда это произошло, не помните?

Ну как, маленькая была... Во-первых, я была не глупая никогда. Понимаете. А потом... Хотя шепотком, пятое-десятое... Помню, как это вот после, наверное, месяца два [как] арестовали, там Ефуня мальчишки жили, вдруг Юра бежит, вот этот самый сын Веры Сергеевны: «Наташа! Наташа! Иди скорей, скорей, скорей!» Я говорю: «Что?!» — «Залезай в шкаф!» Я говорю: «Да ты что?» — «Залезай, залезай!» Я залезла: «Ну что?» — «Понюхай, мамой пахнет!» И я, значит, это: «Ой-ой, побежали к нам, к нам!» И к нам тоже в шкаф. И у нас мамой пахло.

02:42:02

У них маму арестовали, и они хотели просто нюхать этот запах?

Ну, случайно он... Ну, был шкаф, да. Но зачем-то он залез и услышал: мамой пахнет. Ну что, два месяца, как арестовали, мамой пахнет. И он к нам побежал: «[Нрзб], смотри, смотри, вот мамой нашей пахнет». И мы, значит, туда поехали... побежали и нюхали: «Ой, правда, Верой Сергеевной пахнет, Верой Сергеевной пахнет. А пошли к нам!» Пошли к нам, а у нас тоже нашей мамой пахнет. Ой, день смерти Сталина — это интересно.

02:42:51

Ну сейчас или всё-таки в следующий раз?

Ну давайте, день смерти Сталина, я вам расскажу.

02:42:56

Да, расскажите, пожалуйста.

02:42:57

Давайте, расскажите.

Запишите это, и чтоб это... Это правду я вам расскажу, правду. Ну, что уже Сталин негодяй, и что всё это самое, там это передавали, как он болеет. И мы только молились, и мы только молились, чтобы скорее он сдох, представляете? И вдруг объявляют о смерти. Мы приходили... А я в это время работала в Институте тонкой химической технологии на Пироговке, учебном институте, студенты там были... Студенты, а я работала у Нисона Ильича Гельперина, профессора. Я такую там работу сделала хорошую. И приходим, но мы уже знаем, что он умер, да, и вот все всё... И вдруг... Только что пришли, объявляется: «Всем членам партии построиться в колонну и подойти к райкому комсомола... к райкому партии туда-то, и общей колонной отправитесь на прощание со Сталиным». Тут такое, слезы, возмущение: «Мы тоже хотим попрощаться. Почему только членам партии, а нам, а что? Мы тоже, мы любим Сталина» Я молчу. Проходит два часа. «Всем комсомольцам предлагается собраться в колонну, идти попрощаться со Сталиным». — «А когда же мы, когда же мы?» Через два часа объявляют: «Все желающие могут идти попрощаться со Сталиным». Ну, вы знаете, это Пироговка. Дошли мы до Пироговки, тут рядом Зубовская, и пошли по Садовому кольцу к Трубной площади, там какая-то колонна была, огромная, никакого там транспорта, нигде ничего не ходило. Вот шли мы этой колонной. И мы вчетвером... Я шла с Нисоном Ильичом. Так мы с ним переговорились, и я поняла, что он тоже не в восторге от Сталина. Ну, идем. Подходим к Трубной площади. Значит, вот Садовая, предположим. Вот Садовая, Садовая. А сюда вход на Трубную площадь. На Трубную площадь. Вот мы подходим вот сюда, вот буквально. И нас останавливают. Мы стоим: просьба задержаться, задержаться. Пять-десять минут, сколько-то, в общем, постояли. Ну, не так долго, но во всяком случае минут 20. И вдруг... А вот сюда, вот где на Трубной, там видно, тут грузовиков, грузовиков много всяких там стоит, тут всё закрыто. И вдруг мы видим: отсюда выезжает один грузовик, потом второй грузовик. И вот я не знаю, помню, но знаю, что то ли четыре, то ли пять. Не могу сказать. И вот у этого грузовика... Ну, грузовики, знаете, это не «студебеккеры» были, а наши грузовики, обыкновенные. Тогда же были такие, вот такой вот грузовик. Вот так[ие] борта. И в нем вот так[им] вот конусом, вот так, конусом, представляете, набросана обувь. Причем детская, женская, мужская, сандали какие-то, сапоги. Представляете? Вы знаете, колонна замерла. «А, где же люди?» Представляете? И вы знаете, воцарилось такое гробовое молчание. И вот, это вы запишите, это чтобы было обязательно. Представляете? И вот эти машины поехали куда-то сюда, потом свернули куда-то. Там уж не знаю куда. И нам объявляют, что доступ к телу прекращен, что «товарищи демонстранты, колонна, сейчас вы пройдете прямо до Кировской, там в порядке очереди, аккуратно, без давки, будете проходить в метро и разъезжаться по домам». Это было вот четыре часа, в пятом часу. Я домой приехала в 12 часов ночи. Но тут порядок был, тут было столько милиции, понимаете? И нас сначала вот на такие ручейки, потом на такие, потом прямо по человеку. Вот я прошла на «Кировскую» в метро, это был уже двенадцатый час, и приехала домой. На следующее утро я иду на работу. Нисон Ильич уже на работе. И он говорит: «Разыщите мне Слапёнкова, аспиранта нашего, где он?» А он такой был, очень партийный деятель, я его иду ищу, нигде нет, в парткоме нет, думаю, дай в комсомол загляну. Я открываю дверь комсомольской комнаты и вижу там в черной раме портрет мальчика. И цветы, цветы, цветы, причем нигде нет ни объявлений, что задавило или то, пятое-десятое. Я в своей книжке об этом пишу. И я кончаю так, что я говорю: когда-нибудь кончатся эти секреты, когда-нибудь опубликуют, сколько он на тризне унес тысяч людей. Но вы знаете, это страшное зрелище, когда видишь, вот от таких вот туфелек до таких вот, представляете, машины обуви, одну, вторую, третью. Ужас! Вот это я видела своими глазами. И пусть мне кто-нибудь скажет, что этого не было.

02:51:51

Потрясающе.

Вот такие дела.

02:51:55

Скажите, а на 70-летие Сталина что-нибудь устраивали, кроме телеграмм? Кроме телеграмм что-нибудь было, какой-нибудь у вас праздник или что-нибудь такое?

02:52:05

Вы знаете, я ни на каких праздников не ходила. Не знаю. Если бы, может быть, даже где-нибудь устраивали, я бы просто на них не ходила.

02:52:15

А как вы День Победы провели?

А День Победы мы с Надей, с моей Надей, с моей подружкой, мы пошли на Красную площадь. Мы дошли до Манежа. Это было часа три дня. А на Манеже народу тьма-тьма-тьма-тьма. Но мы такие худосочные, маленькие, мы прошли на Красную площадь. Представляете, я была на Красной площади. А там... там этих фронтовиков! «Да здравствует Жуков! Да здравствует Сталин! Да здравствует...» Прямо вот такой вот пятачок, кто-нибудь один там отшпаривает, танцует! Знаете, это было такое ликование! Мы пришли с Красной площади в три часа ночи, к Наде. Я у Нади тогда жила. А у Нади был сосед, который работал в кремлевской столовой. Его жена готовила обеды только ночью, когда все с кухни уходило, потому что она там языки, севрюга, осетрина, знаете, всё. Это было у них военная тайна. Ну, так как у нас дверь... У меня дверь не закрывалась в комнату, у меня же тоже не было ключа, у меня всё было открыто. Приходишь, покрывало — ну снимай покрывало, бери. Но иногда, иногда, не так часто, не каждую неделю, но иногда мы приходили, зажигали свет, и у нас тут два блюдечка лежало и тарелка. И на блюдечке было две столовые ложки сахарного песка и четыре печеньица. Или какие-нибудь маленькие, пирожок, два пирожка, по пирожку вот так. И когда мы пришли после Дня Победы, мы открыли и увидели, что у нас вот тут сахарок и, значит, какое-то там печенье. Ой, для нас это... Я говорю, мы голодные были. Для нас это был такой праздник, и мы: «Надя, с Победой!» Но ликование было всенародное, действительно.

02:55:26

А начало войны, вот вы узнали как, когда начало войны?

02:55:30

О, когда начало войны, мы говорили: да что, ну что такое Германия? Ну месяц-два она продержится, во Германия была, а вот Советский Союз. Ну мы же были дураки. Чего мы были...

02:55:46

А как вы узнали, что...

02:55:49

По радио сказали.

02:55:53

По радио, слушали, да?

02:55:55

«Э-э-э!» Заикался, заикался.

- 02:55:58 Кто?
- 02:56:00 А я не помню кто. Сейчас надо вспомнить.
- 02:56:02 Ну была речь Молотова и... А потом Сталина через несколько лет. Ой, через несколько дней.
- 02:56:08 Да нет. Сталин не говорил.
- 02:56:12 «Братья и сестры».
- 02:56:14 «Братья и сестры» — это знаете когда? «Братья и сестры»? Это когда под Москвой, просто после паники, то тогда были братья и сестры. Тогда он опять возродил. А я была, я видела, как подвода за подводой, подвода за подводой русские, крестьяне в лаптях, перевязанные, такие, нищенски одеты, на своей лошаденке вывозили этот Христа Спасителя, эти камни. Я же это... При мне его разрушили.
- 02:57:04 **Ой, расскажите...**
Расскажите, пожалуйста, про этот вот...
- 02:57:06 **Вот расскажите мне.**
...день, про этот день, да.
- 02:57:09 **Вообще как это произошло?**
И почему?
- 02:57:11 **Вы видели это?**
Да нет, ну как, мы ничего не видели, потому что мы жили на Смоленской, а он у Москва-реки, да, там в конце Пречистенки.
- 02:57:25 Недалеко всё равно.
- 02:57:27 Огородили всё, да. И начинали... и начали взрывать, представляете? То есть взрывы мы, конечно, слышали. Знаете... Ну, господа, как это считалось... «Какие молодцы, какие молодцы, зачем эти храмы?»
- 02:57:56 **А зачем эти крестьяне-то вывозили?**
Ну, расчищать-то надо. Ведь там же Дворец Советов надо было строить. Как это, вы

представляете, ведь это же не два камня лежало, а груды. Как можно это? Куда, куда его перенесешь? И я говорю, и эти бедные, что им за это платили? Да ничего не платили, наверное. Господи. Другого, другого не было, как говорится, занятия, другой заботы у государства не было, как храмы взрывать да вывозить. Зачем это? Ну как же, с Богом покончить. А потом «братья и сестры», и патриарх сразу, и сразу патриарх в Катень поехал, вместе с Толстым и с его новой женой, этой соплячкой, которой подтвердили... А ведь вы знаете, что всех, они были расстреляны из немецкого оружия. Представляете? В голову, «Вальтер» там какой-то. Я вот недавно, у меня вырезки, всё сохраняется, где есть... там написано. И сколько их, я не помню, тысяч, да, расстреляли, они расписаны... В общем, сейчас Польша требует, чтоб вернули им... Еще что-то такое, очень много томов, где фамилии расстрелянных. Вот почему-то сколько-то томов, что-то такое, двести, по-моему. Если я не ошибаюсь, потому что не помню, но вот недавно я читала в «Аргументах и фактах», представляете, что их не отдали Польше. Вот отдали там сколько-то, 70 процентов, а 30 процентов — нет.

03:00:42

Наталья Георгиевна, а когда мама вышла из лагеря?

А мама вышла в 1945 году.

03:00:50

А дальше что с ней случилось?

Ничего, она... она получила в Мичуринск. Да? В Мичуринск. Туда приехала, пошла сразу к начальнику КГБ. А он сказал: «Вон, чтоб через сутки вас не было здесь». И она... Ей посоветовали, она пошла к начальнику УВД, что ли, ну я не знаю их там... Это надо у нее посмотреть, в ее книжке это есть, написано. Она пришла к нему, он сказал, что, «вы знаете, я не могу отменить распоряжение этого начальника. А что вам, ну, километров 20 от Мичуринска, да вам там и легче жить будет», и так далее. Представляете? «Недалеко, — говорит, — где-нибудь от Мичуринска». И он говорит: «Кто вы?» — «Учительница». — «А учителя нужны» «Да, — говорит, — учителя нужны, но меня не берут». — «Не берут?» Он позвонил в Наркомпрос: «Вам учителя русского языка нужны?» — «Очень, очень!» — «Вот к вам сейчас придет учительница, Рогачева Нина Корниловна, пожалуйста, ей село недалеко от города Мичуринска. И скажите, чтобы ее поселили там и дали ведро картошки». Представляете? «Она у нас была, она у нас была, она не подходит». «Что, — говорит, — значит "не подходит"? Вам не нужен, что ли? Вот я вам приказываю». И всё.

03:02:58

А ездить отмечаться она должна была в Мичуринск, да?

А?

03:03:02

А отмечаться?

А она не отмечалась. Зачем, она не отмечалась. Они сами к ней приезжали, они приехали через два года и сказали: «Вы слишком близко от Москвы, надо вам подальше куда-нибудь». Она: «Куда?» — «Ну, в Барнаул куда-нибудь». Она говорит: «У меня нет ни сил, ни средств перебираться в такую даль, неизвестно куда, нужна или нет. Вот, — говорит, — отправляйте меня по этапу, если вы считаете». — «Ну, подумаем». Но они ее не отправили по этапу, они сделали лучше. Они ее лишили места преподавателя, а, значит, [сделали] делопроизводителем в школе. А делопроизводителем в школе, значит... Преподаватель в школе может... получает вместе с агрономом, с фельдшером килограмм хлеба, дрова на зиму, еще что-то такое. А этот ничего не получает. Делопроизводитель. Значит, за хлеб — 12 километров она от Мичуринска, — ходи 12 километров за хлебом зима, летом А есть всё-таки, она же... Дров не полагается, покупай дрова Ну и всё. И она уехала на Алтай сама. Она уехала на Алтай, а на Алтае никому не сказала. А там так нужны были учителя, что ее никто не спросил. На Алтай она приехала ко мне. Мы с Георгием были в городе Людиново, в Сукремле. Не в Людинове, Сукремль назывался. Сейчас это Людиново.

03:05:10

Георгий — это ваш муж, да? Вы уже замужем были?

Да, он, его распределили. Он подошел, сказал: «У жены не совсем благополучно с родителями». А тогда сказали: «Подождите». Его отправили на завод, который построил Петр I

и который не реконструировался с тех пор. И он, значит, там. И мы там жили.

03:05:40

Это какой год?

Это был 1950 год, 1951 год. Я приехала, через четыре месяца нам дали там квартиру. Ой, там тоже было много интересного.

03:05:55

А мама-то когда приехала к вам?

А мама приехала через год, наверное, в 1951 году. И говорит, что «я здесь». А мы стали... Нет-нет-нет, не в 1951-м, в 1952-м, наверное. А мы ей стали говорить: «Мам, ты знаешь, Георгий еще там год, три года, и он будет в Москву переезжать. Мы сдаем эту площадь, тебя же не оставят на этой площади. Тебе надо где-то в деревне снимать, и никого нет. Поезжай», — а там родная тетя Тося ее жила. Я говорю: «Поезжай к Тосе». И мы так договорились, и она поехала к Тосе и была очень довольна. Ей никто никаких документов не спрашивал, и она там очень здорово зарабатывала. Хорошо, да. И потом, когда сказала среди года [что уезжает], он говорит: «Ну, Нина Корниловна, как это вы среди года уезжаете, это же учебный процесс». А тогда она сказала директору РОНО. Потом они, говорит, так смеялись, он сказал: «Ну вы даете, а я вас “лучшая учительница года” выдвинул, а вы, оказывается, враг народа».

03:07:36

Спасибо.

[Нрзб]

03:07:39

Да это понятно.

Вон у нас школа, вот рядом две школы, если в кухне смотреть, прямо напротив одна школа. Там у парадного стоят девушки, парни, все с папиросами, проходить — там и матерщина. Вы можете себе представить? Я выросла в своем дворе, да? Вот на Смоленской. Я школу окончила, я грязной ругани никогда не слышала. Не было этого. Не было. У меня сестра поэтесса, она пишет стихотворения, но она 23-го числа каждый год памяти отца писала. А тут я взяла и вот с вами пообщалась, там мне рассказали, как и что это всё было. Я взяла начало ее, а конец сама придумала. И всё равно я их... Ага. Вот. Вот это сестра пишет: «Мой любимый отец, если б знал ты, родимый, что пройдет 18 порочащих лет и тебе возвратят твоё честное имя, а тебя на земле уж давным-давно нет. Я всю жизнь о тебе и скорблю, и страдаю, с той поры, как беда ворвалась в отчий дом и тебя увели, жизнь всю нашу разрушив. О, как пусто и горько семье стало в нём! Ты в июле ушел, в ноябре взяли мать. Нам сиротство осталось, хочешь жди, хочешь плачь, хочешь бедность встречай. Вся родня, испугавшись, от нас отказалась. А родители наши еще молодые, только пользу стране принесли. И страдальцев таких было много в России. Их губили и жгли, заметая следы». Это сестра написала. А дальше я написала, «Расправа»: «У палача одна забота, у них тяжелая работа. Ведь надо так всех истязать, чтоб враг о смерти стал мечтать. И вот, какая ведь удача, всё подписал, всё подтвердил, себя под пытками убил. Хоть тайно он мечту имел: суду откроет правду эту. Ведь он в какой стране живет — сам Сталин бережет народ». Это «Расправа». «Суд». Адвокат, защитник, запрещен, решение суда обжалованию не подлежит. Знаете, да, вы закон? Обжалованию не подлежит. «Обвинитель подписал — докажи, что ты не враг. Пять минут — вези в овраг, с дыркой в голове. Всех подряд зарывай, землю, нет, не подымай, ровно так клади. Сколько сотен? Может, пять, может, больше, что считать? Подпись посмотри. Подпись “Сталин” — о, ура, все получим ордена!» Да? «Все получим ордена».

03:12:02

[Как] по-вашему, вообще что, вот о чем это должно быть? И есть ли какие-то запретные темы, о которых не надо говорить, связанные с ГУЛАГом.

Вот лично меня, лично меня, вот я бы хотела разыскать хоть одну семью, да... Вот я была в Кандалакше, я жила там целый месяц. Я туда в Колвицу ездила, в Лувеньгу, в общем... У меня даже есть... Мне даже, я пришла в музей когда, я рассказала, где была, меня наградили почетной грамотой путешественника какого-то. Так вот, все в основном где работали? Большинство работали в тюрьмах. Вот я бы хотела, чтобы встретить хоть одну... То есть у которых я была, они тоже работали в тюрьме, но я знаю, что там все до одного спились и погибли молодыми. И вот я хотела бы знать: кто выросал? Вот тот же, который говорил:

«Девка, пошли», мама. А ему... Он сопляк, ему 20 лет, наверное, нет. Кто из него... Как он стал гражданином? Гражданином с понятием чести, с понятием, так сказать, правды, с понятием, как говорится, там... Ну, возьмите заповеди наши православные: не укради, да? А я ведь видела, вот я видела своими глазами, это ужас, как храм Христа Спасителя когда взорвали, и вот едет подвода за подводой, и телега, лошадка, и хозяин этой лошадки, в лаптях, вывозят этот вот строительный мусор, везут от храма Христа Спасителя. И их идет вереница. Не одна, не две, а десятки, представляете? Это что, делать было нечего? Чтобы людей, нечего... Им надо на поле работать, хлеб растить, а их мобилизуют со своей лошадкой. Ужас.

03:15:10

А как вы думаете, Наталья Георгиевна, у нас власть, которая сейчас, она как-то связана с той властью, которая была коммунистической?

Да вы знаете... Ведь, как говорится, чем... Как у нас сейчас, «Единая Россия», да? Что это такое? Создали эту «Единую Россию», а чем она особенно отличается-то?

03:15:48

От компартии?

Да. Все, и все туда, и все туда кинулись, всякий сброд. Которые все воры, да? Ну что это? Что это?

03:16:03

А вы знаете про историю дома 23 на Никольской, «расстрельный дом» его называют?

Да, знаю.

03:16:11

А как вы думаете, вот там хотят... Ну, есть инициатива сделать там музей. Как вы к этому относитесь?

Ой, нет, я бы не хотела, чтобы там был музей.

03:16:21

Почему?

Ну что вот... Там же был колодец, куда сбрасывали...

03:16:30

Ну либо было предложение сделать там гостиницу. Как вы думаете, что же лучше?

Ой, пусть Путин себе возьмет, там дворец сделает.

03:16:43

Всё понятно.

Вот это написано рукой Сигалы. Вот. Это, да. А это я перевела. Это, да? Сейчас, подождите. Что тут...

03:17:19

Спасибо. Да.

А это на всякий случай вам биографии.

03:17:27

Ой, спасибо, отлично.

Выход в свет. Мне нравится вот эта. А это вот моя фотография. У вас есть такая моя фотография? Это я реабилитирована. Я пошла в этот день сфотографировалась. Я пошла в этот день.

03:17:50

Это в каком году вы были реабилитированы?

Я реабилитирована? Ну в 1964-м это.